

ВЫСТРЕЛЫ В СПИНУ

За последние годы в местной прессе, да и в нашем журнале тоже, появилось немало публикаций о трагических событиях периода тридцатых годов на Дальнем Востоке. Но, пожалуй, именно очерк С. Николаева о драматической судьбе чекистов, ставших жертвами произвола и беззакония, дает представление о том, как действовал механизм репрессий в крае.

ДОМ НА ВОЛОЧАЕВСКОЙ

В этом старом доме по улице Волочаевской в Хабаровске, где с 1922 года размещались службы госбезопасности Дальневосточного края, в свое время служили три товарища — Владимир Нейман, Борис Богданов и Николай Шилов. Владимир Нейман род в бедной, многодетной семье. В Чите, когда учился в коммерческом училище, а затем и во Владивостоке перебивался случайными заработками. Позднее служил в частных фирмах. В 1919 году был насиленно мобилизован в колчаковскую армию. Подняв восстание в караульной роте, с оружием в руках перешел к партизанам...

В 1922 году вместе с последней белогвардейской колонной ушел за рубеж и сотрудник разведотдела Народно-революционной армии Дальневосточной Республики Нейман. Пять лет он снабжал советскую разведку ценной информацией. Не без его участия были ликвидированы штаб генерала Золотухина и группировка генерала Шильникова...

В 1927—1928 годах Нейман — уполномоченный контрразведки Читинского окружного отдела ОГПУ. Здесь он познакомился со своим новым начальником — Борисом Давыдовичем Богдановым, тоже недавно вернувшимся из закордонной «командировки». Богданов окончил Владивостокский политехнический институт, имел опыт журналистской работы. Владел английским, французским и немецкими языками. Правда, руководство его иногда поругивало за то, что он не всегда был достаточно требователен к подчиненным. Может, так оно и было. Нейману понравился его новый начальник, и они сдружились.

В конце двадцатых годов маньчжурский диктатор Чжан Цзолинь предпринял ряд антисоветских акций. Обстановка на наших дальневосточных рубежах все более обострялась. И не случайно в Маньчжурию выезжает Богданов, а Неймана перевозят во Владивостокский окружной отдел ОГПУ, под начало Николая Петровича Шилова. Николай Шилов получил закалку на петроградском и польском фронтах. В 1920 году он навсегда связал свою жизнь с ВЧК, куда направлен был полигоном 6-й стрелковой дивизии. В 1925 году Шилов оказался на Дальнем Востоке. Три года прослужил в оперативном подразделении пограничных войск, затем непродолжительное время — в Хабаровске, в аппарате полномочного представителя ОГПУ по Дальневосточному краю.

Среднего роста, худощавый, с ранней сединой, болезненно бледным лицом, он склерозан встретил Неймана. Тот улыбнулся и про себя подумал: «В чем только душа держится!» Но Шилов оказался энергичным и выносливым.

С января 1930 года в Хабаровск стала регулярно поступать информация о планах японских спецслужб и белоземянских подрывных группировок. Она шла от «Григория» и «Кука» — так подписывал Николай Петрович Шилов свои донесения из Маньчжурии. Он организовал и провел дерзкую операцию по нейтрализации прокуратора Мэрса, открытого вставшего на путь сотрудничества с японскими милитаристами. Начальник японской военной разведки в Маньчжурии полковник Уэда, «проглавший» дело Мэрса, был снят с работы.

В начале 1932 года Шилов добился ареста китайскими властями японского шпиона Ушакова. Его показания были опубликованы в зарубежной печати, они изобличали военные круги Японии в попытках использовать воинские формирования белой эмиграции против Советского Союза.

136

На определенное время японская разведка «спрятала когти».

Спасая от посигательств японцев советское имущество на КВЖД, Шилов участвовал в переброске в Союз 93 вагонов остродефицитных в то время материалов — девять миллионов рублей золотом.

В те же годы Владимир Нейман отправился в свою вторую зарубежную «скотив Благовещенска (ныне Аньхой).

«Василий» — за такой подпись поступали теперь от Неймана оперативные торию органов госбезопасности как дело «Маки-Мираж»...

К середине 1924 года хабаровские чекисты получили сведения, что группа проны «Сибири», Мизаки, хозяин аптеки, Томогучи, имевший магазин, и другие — бандитов, перебежчиков, своих агентов.

Еще в 1928 году дальневосточными чекистами была обезврежена, в частности, резидентура Тимиркесева, работавшая также и на китайскую разведку. Через год с небольшим, с помощью японских документов, удалось раскрыть новое звено действующей агентурной сети. На советской земле снова были захвачены японские агенты, связники, резиденты, переправщики, содержатели щательно законспирированных квартир.

Похоже, что этот удар вызвал у японцев шоковое состояние. Какое-то время сини не могли даже уяснить ни масштаба провала своей годами создававшейся шпионской сети, ни того, где и кого после разгрома в первую очередь спасать, кого и как выводить из-под удара.

Нейман должен был действовать в контакте с Летовым, своим давнишним знакомым. Еще до революции Летов пробовал заниматься в Забайкалье коммерцией, да проторговался. Одно время увлекался идеями Бунда, но вскоре разочаровался в них. Революцию встретил без особого восторга. Узнав, что Летов бывает в Маньчжурии, имеет там знакомых и немного владеет китайским разговорным языком, работники разведотдела 5-й армии предложили ему сотрудничать с ними...

Вскоре Летову пришлось бежать из Маньчжурии. Работая во владивостокском оперсекторе, встречался и с Богдановым, и с Шиловым. Поэтому выбор пал на него не случайно.

В Сахалине Летов появился как разъездной агент Дальнгосторга. Конечно, он сразу же оказался в поле зрения Кумазавы. После нападения необходимых справок тот вышел на личное знакомство и беседу с Летовым (японец хорошо владел русским). Кумазава пришел к выводу, что перед ним «недостаточно симпатизирующий Советской власти» субъект и есть смысл продолжить с ним «деловую» встречу. Летов не возражал. За небольшое вознаграждение он разыскивал в приморских городах «давних знакомых» Кумазавы, с которыми по разным причинам была потеряна связь. По его заданию Летов собирает информацию о воинских гарнизонах Хабаровска, Благовещенска, о лицах, «думающих о Советской власти так же, как и он». Так всплыло имя командира взвода 6-го Волочаевского полка Прозорова, от которого вскоре начала поступать «информация».

Кумазава не торопился с окончательными выводами, проверяя Летова детально, расспрашивая его обо всем, что касалось встреч с его «знакомыми», особенно с теми, от которых шла информация. Наконец Кумазава мог доложить «шаверх», что Летов — человек надежный и полезный для японской разведки и его можно привлечь к серьезным операциям. Так в документах японской разведки появился перспективный агент «Старик».

Находчивый, расторопный Старик, выполняя задания Кумазавы, старательно подыскивал для него яично-квартиры, места переправ, подбирал курьеров. Кумазава ввел Летова в свой дом, где иногда за рюмкой «Смирновской» делился с ним своими планами и указаниями Генштаба, чтобы Старик тоже думал, как лучше их выполнить.

Авторитет Летова поднялся, когда приключилась «беда»: единственный информатор по военным вопросам Прозоров неожиданно был переведен в Николаевск-на-Амуре. Кумазава запросил помощи: «Найти кого-нибудь вместо Прозорова». И Старик постарался. Вскоре он сообщил Кумазаве об одном командире: «Этот штабист прокупил с женщинами несколько тысяч казенных денег. А в ближайшее время — ремень. Ему или тюрьма, или пуля в лоб, хотя на последнее он не пойдет, а от Σ не откажется. Штабист — бывший штабс-капитан царской армии, в свое время, как военспец был мобилизован в Красную Армию, человек старых взглядов».

Кумазава, опытный разведчик, занялся очередной проверкой... Летова. В одной из бесед он неожиданно заявил, что тот назвал ему штабиста, вероятно, по заданию хабаровского ГПУ, и предложил честно признаться в этом. Летову стоило большого труда не потерять самообладания. «В таком случае я сообщу его имя работающим труппам представителям английской и американской торговых фирм. Они наверняка заинтересуются им», — не скрывая раздражения, заявил Летов и отказался от дальнейших встреч с Кумазавой.

Понимая, что потеря такого «ценного» агента, как Старик, а вместе с ним и возможного агента в штабе ОКДВА наверняка отразится на его служебной карьере,

Кумазава извинился за допущенную бесактность. «А со штабистом я и без имериканцев и англичан сам разберусь», — самоуверенно заявил он.

В конце 1931 года Кумазава решила окончательно установить отношения с «кутилой». Согласился и с условиями, выдвинутыми им: первая информация от него поступит только после того, как японцы передадут ему 10 000 рублей; во-вторых, в интересах собственной безопасности связи его с Кумазавой будет поддерживаться только через Летова с выплатой тому как посреднику определенного вознаграждения. Эта удача позволила хабаровским чекистам начать крупномасштабную оперативную игру с японской разведкой, клюнувшей на Большого Корреспондента (так называли японцы своего нового «агента»).

Нейман был доволен: значит, время на командировку в Сахалин потрачено не зря. К тому времени и Борис Богданов вернулся из-за кордона. Несколько позднее в личном деле Неймана появится краткая запись: «...Провел разработку «Маки», давшую очень приличные результаты. Организовал выемку документов в японской введенной миссии».

«...Богданов выдержан, умеет владеть собой и в сложных, небыданных ситуациях. В период конфликта на КВЖД в условиях закордона, рискуя собой, сумел обеспечить работу подчиненного ему аппарата. Является хорошим востоковедом. Энергичный, любит свое дело и честно относится к нему. Работник безусловно хороший и ценный...» — тогда же будет сказано в очередной аттестации Богданова.

В начале тридцатых годов на советской границе по Амуру и Уссури захлопнуло пороховым дымом. Опять подступала опасность. Использовав как предлог спровоцированное вооруженное столкновение с китайским гарнизоном Мукдена, давно изготавлившимся к прыжку японские войска ринулись в Маньчжурию с разных направлений. Часть высокопоставленных китайских военных сразу же перешла на сторону захватчиков, другая пытались остановить их. Между группировками военных разгорелся конфликт, да такой, что, например, японцы Сахалина решили переждать смути на территории своих представительств в Благовещенске.

К этому времени в Хабаровске появился Шилов. Он возглавил разведку полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края. Его заместителем стал Богданов, а начальником одного из отделений — Нейман. Шилов при активном участии Неймана и Богданова кропотливо и настойчиво готовил новые операции по делу «Маки-Мираж». В них участвовали чекисты не только Хабаровска, но и Зейской, Амурской, Уссурийской областей, Владивостока и Николаевска-на-Амуре.

«...От активно «работающих» Летова и Большого Корреспондента в японские руководящие круги все чаще поступала «военно-экономическая» информация по Дальнему Востоку», а фактически — целенаправленная дезинформация, подготовленная специалистами штаба ОКДВА, а позднее — контрразведчиками Москвы.

Летов по заданию Кумазавы дважды выезжал во Владивосток. Используя японские языки, он наслушивал японскую резидентуру, руководство которой действовало под «крышей» местного представительства японской транспортной конторы. Но эти поездки Летов совершил уже без Неймана. Тот, подлечившись немножко, в конце лета 1933 года отправился в свою очередную зарубежную командировку.

Одновременно с «Маки-Мираж» на берегах Уссури разворачивалась другая оперативная игра — операция «Весна»: с помощью патриотки Никитиной, жившей в Маньчжурии, в японские спецслужбы поступала информация, подтверждавшая «достоверность» сообщений Большого Корреспондента.

Конечно, не все шло ровно. Случались тяжкие провалы и, как всегда, неожиданные предательства. В 1933 году Шилову удалось в считанные дни вывести из-под удара группу советских граждан, работавших на юго-западном участке КВЖД. К сожалению, Ястребова и Курикова, снабжавших советскую разведку документами японской военной миссии, спастись не удалось: они были замучены на допросах.

И все же общая результативность операций по делу «Маки-Мираж» вселяла оптимизм и побуждала вести их дальше. Но тут случилось то, чего не ждали и не предвидели хабаровские контрразведчики...

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Длительные и далеко не единичные зарубежные «командировки» отвлекали внимание чекистов от событий, происходивших в Союзе.

Вернувшись домой, Шилов, Богданов и Нейман столкнулись с такими проблемами, о существовании которых и не подозревали. Здесь, в Хабаровске, они ознакомились с обращением коллегии ОГПУ «Ко всем чекистам» и узнали из этого текста, что среди чекистов пробрались нечестные люди, которые допускали серьезные нарушения социалистической законности. Предупреждая о суровой ответственности за подобные преступления, коллегия подчеркивала: «...Издевательства над заключенными, избиения и применение других физических методов воздействия присущи только нашим классовым врагам, малейшее допущение таких приемов у нас позорит органы ОГПУ... Нашим боевым девизом всегда была и остается беспощадная борьба с контрреволюцией, но не месть и не жестокость в отношении к врагу».

У Богданова не укладывалось в голове: как это можно избивать арестованного? Тут ни храбрости, ни ума не требуется. Все это ему казалось противостоящим

и, во всяком случае, несовместимым с работой органов государственной безопасности, которым народ доверял и меч своей Родины.

Вскоре Богданов и Шилов опять оказались с тревожным письмом НКВД. Одновременно резко осуждались как тяжкие преступления, запугивание арестованных, подлог следственных документов.

Встревожило их и другое — сообщения о судебных процессах над разоблаченными предателями — в рыбном хозяйстве, в геологической службе, на железной дороге. Где они только не оказывались! Невольно возникали вопросы: откуда их, этих самых предателей, столько набралось, да еще, как правило, в среде руководящего состава?

Что-то неумолимое надвигалось — смутное, неясное и тревожное.

Успешно завершив свои «коммерческие» дела, вернувшись из Шанхая Нейман, опять неудолю: центр отозвал его на постоянную работу в Москву. Встал вопрос о возможном переводе и Богданова. Руководство краевого управления НКВД по ческим проблемам Востока... Образование, большой кругозор, практика делают егоенным работником для ДВК — все это не позволяет отпустить его из края.

Но Богданов не знал об этой переписке. Вместе с Шиловым он организует активное и многоплановое противодействие усилившемуся нажиму японских спецслужб.

В 1935 году, благодаря удачно проведенной операции, удалось свести на нет подрывную деятельность регионального отдела беломигрантской организации «Братство русской правды», действовавшего на восточном участке КВЖД. В том же году были захвачены на советской территории фашистские группы Сорокина, Комиссаренко. Летом 1936 года завершилась операция по выводу на советскую территорию еще одного из беломигрантских главарей.

В напряженном рабочем ритме встретили Шилов и Богданов 1937 год. Уже начинавшаяся операция «Весна», к завершению шла многолетняя оперативная игра «Маки-Мираж». И Шилов, и Богданов были полны новых задумок, все более эффективно противодействуя опытному и дерзкому противнику.

Но жизнь распоряжась иначе.

Еще в январе 1935 года в Москве были осуждены участники так называемого «антисоветского московского центра», в марте—апреле — участники нового варианта «рабочей оппозиции». А в августе 1936 года был раскрыт «троцкистско-зиновьевский террористический центр». Московское радио, газеты сообщали о предании суду Каменева, Зиновьева и ряда других видных деятелей партии и государства.

В этой связи в конце августа 1936 года Хабаровский обком ВКП(б) предписал «...немедленно развернуть работу по разъяснению всем трудающимся материалов и приговора по закончившемуся в Москве процессу по делу троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока. На каждом предприятии, в учреждениях, колхозах, в общежитиях, в городах и районах области провести собрания о состоянии большевистской бдительности».

19 и 21 августа 1936 года (в один день не уложились) на стадионе «Динамо» было проведено открытое партийное собрание всех служб УНКВД по ДВК, на котором, как тогда было объявлено, присутствовало 750 человек. Более трех десятков выступавших возмущались (и, похоже, искренне) «подлыми» делами «заговорщиков» и требовали для них сурговой кары. На собрании были названы имена ряда работников управления, которые лет десять-пятнадцать назад примикали к троцкизму, но потом решительно порвали с ним. Назематрированное призываю до конца выкорчевывать явных и скрытых врагов, оказавшихся в системе УНКВД, собрание исключило из рядов ВКП(б) Ю. Ф. Фрумкина и И. С. Бенца как «неразоружившихся и замаскировавшихся троцкистов».

Слушая все это, Богданов чувствовал, что ему становится как-то не по себе. Он и на собрании думал о том, что из поля зрения чекистов исчезла в маньчжуровском прикордонье банды Маслякова, сформированная японцами из числа проживающих в Маньчжурии беломигрантов — членов Российской фашистской партии. Достоверно было известно, что она подготовлена харбинской военной миссией для выполнения разведывательно-диверсионных задач. Тут, пожалуй, и на троцкистов начнешь грешить...

Однако Динов, начальник секретно-политического отдела управления, уверенно заявил, что о троцкистской деятельности в крае ему ничего не известно. Динов знал, что говорил.

Вскоре по этажам управления словно прошлась метла. «За потерю большевистской бдительности по отношению к врагам партии и народа» из рядов ВКП(б) было исключено немало чекистов.

Среди них оказался инспектор отдела кадров Михеев. Он был исключен только за то, что его фотография была обнаружена у ранее арестованного «троцкиста» Иванова, с которым он жил в одной коммунальной квартире. За бытовую связь с «врагами народа» будут исключены из партии, а затем и арестованы руководящие работники УГБ Р. Ф. Корчинский, Е. Е. Соловьев и названный выше Динов.

Но никто не думал, что это лишь начало репрессий.

Только началась 1937 год, а в Москве опять громкий процесс по так называемому «параллельному троцкистскому центру». И снова пострадало немало активных деятелей партии и государства. Известия о приговорах в отношении «извергов че-

довечества» воспринимались в крае, как и везде, с большим подъемом. Выступавшие на митингах, собраниях призывали друг друга к повышению бдительности.

Однако, не в пример Москве, на Дальнем Востоке пока обходились без громких процессов по делам антипартийных блоков, оппозиций. Арестованный несколько месяцев назад начальник Дальлеса П. Г. Гербек категорически отрицал свою причастность к «троцкистской организации». Ни от кого из арестованных не удалось получить признания о наличии в крае организационных связей с «московским центром» или о функционировании враждебных Советской власти политических группировок.

Тут было над чем поломать голову и Т. Д. Дерибасу, и его заместителю С. И. Заднику, утвердившим в то время не один десяток постановлений об арестах «за причастность к троцкизму».

Можно только догадываться о том, что думали в Москве руководители НКВД СССР по поводу затишья на Дальнем Востоке.

Но вот 23 апреля 1937 года из Москвы прибыла бригада сотрудников центрального аппарата НКВД во главе с Мироновым, начальником одного из оперативных управлений. Ее задачей было разобраться в обстановке, окказать «практическую помощь» дальневосточным чекистам в разворачивании борьбы с троцкизмом. Член этой бригады А. А. Арнольдов так объяснял своему брату С. И. Западному конкретную задачу бригады: «В Москве имеются сведения, что Дерибас и ты не верите в дела (по организованному троцкизму, — С. И.), поэтому и бригада послана, чтобы вам показать, что у вас делается в крае и как свободно орудуют троцкисты...»

На встречах с оперработниками управления Арнольдов высокомерно называл их «стажерами», не умеющими работать «новыми» методами. А суть их, как вскоре оказалось, сводилась к запугиванию арестованных, массовой фальсификации протоколов, «конвойерным» допросам и т. д., хотя «физических мер воздействия» на арестованных эта бригада еще не применяла.

Дерибас критически относился к приезду бригады, но, учитывая растущий в стране накал борьбы с разномликами «врагами народа», понимал, что от ее практических дел и выводов зависит и его собственная судьба.

На скромно собранном совещании руководящего состава управления он с полной серьезностью заявил: «Сейчас за провалы работы не снимают, а сажают в тюрьму. Сяду я, сядете и вы». Было ли это предчувствием беды, трудно сказать. В первых числах июня 1937 года Дерибас был вызван в Москву якобы за новым назначением. В действительности же в составе бригады НКВД СССР он был направлен на Украину с проверкой. Вместо него в Хабаровск прибыл В. А. Балицкий, комиссар госбезопасности I-го ранга, до этого — нарком внутренних дел Украины. А еще раньше в Москву был отозван Миронов. Принявший руководство бригадой Арнольдов перешел в полное подчинение Балицкого. Сам он вместе с членами бригады Хорошильским и Костюком сосредоточился на проверке армейского особого отдела.

В это же время из Москвы пришли материалы, «уличавшие» председателя дальневосточного краисполкома Г. М. Крутова в троцкистской деятельности. Через день после приезда Балицкого Крутов был арестован. Постановление на его арест утвердила Западная. Следствие было поручено вести только что назначенному начальником СПО УГБ С. М. Сидорову, правда, санкцию на арест Крутова прокуратура выдала только через месяц. Результаты первых же допросов Крутова вызвали у Сидорова сомнения в правомерности самого ареста. Арнольдов, возмущенный такой позицией начальника СПО, решил применить свой метод допросов. Выдавая себя за представителя ЦК партии и лично Ежова, Арнольдов убеждал Крутова и других арестованных партийных и советских работников, что они, если даже и не являются в действительности врагами партии, «в интересах партии и Советского государства» должны сознаться в преступлениях, в которых их обвиняют, и обещал свою активную помощь во время судебного разбирательства. Такой провокационный ход Арнольдову порою удавался: некоторые начинали давать фантастические показания...

Нам неизвестны детали первого допроса Крутова, после которого он неожиданно начал давать следственно обширные показания о существовании якобы в крае «право-троцкистского заговора». Такая же трансформация произошла и с Гербеком после его встречи с Арнольдовым. Да и не только с ним. Восхищенный Балицкий за такую «результивативность» назвал Арнольдова чародеем.

Но вот что писал бывший командующий автобронетанковыми войсками ОКДВА комдив С. И. Деревцов, оказавшийся тогда в сходной ситуации: «...Арнольдов заявил, что по заданию ЦК партии и членов Политбюро т. Ворошилова и т. Ежова (Деревцов) должен помочь приехавшей из Москвы комиссии вскрыть троцкистов в ОКДВА, но не в качестве свидетеля, а как обвиняемый член троцкистской организации. При этом Арнольдов заявил, что подобного рода задания от ЦК партии получили комкор Калмыков против Сангурского, комдив Пашковский — против Крутова, комкор Лапин — против Тухачевского, Уборевича...»

Мало того, Арнольдов потребовал от Деревцова клятвы: все это, под страхом смерти, хранить в глубокой тайне.

Грозовые тучи стали собираться и над головами чекистов-дальневосточников. По приказу НКВД СССР 3 июня 1937 года был арестован и этапирован в Москву М. Д. Витковский — начальник транспортного отдела УНКВД. За них последний ведущий сотрудник контрразведывательного отдела Д. Ф. Шилов, а десять дней спустя за решеткой оказалась и А. К. Михеев — работник кадрового отдела управления. До этого они были исключены из ВКП(б) — «за потерю большевистской

бдительности». Теперь их обвиняли в связях с «Дальневосточной контрреволюционной ской разведкой», а Шилова — еще и в сотрудничестве с японскими

трудниками УНКВД по ДВК предварительно попытав «правых и троцкистов» среди оперативных работников управления. И будто бы нашли, назвали их поименно рячие головы, сказав, что в документах они нашел только факты неразборчивости названных сотрудников в бытовых связях с недавно выявленными «троцкистами» и потому рекомендовала парторгом УГБ разобраться с такими сотрудниками в партийном порядке, в том числе и с оказавшимися тогда в этом списке Д. Ф. Шиловым. Неожиданно в первых числах июня Балицкий был отзван в Москву (вскоре он будет реартизирован), а Дерибас вновь вернулся в Хабаровск.

На основании показаний Гербека, Крутова и других арестованных, добывших провокационным способом, Арнольдов добивался от Дерибаса согласия на арест еще свыше тридцати человек, в основном руководителей краевых советско-партийных и хозяйственных органов, а также краевого аппарата НКВД.

Ознакомившись с протоколами допроса Крутова, которые вел Арнольдов, Дерибас заявил: «Вы хотите разгромить всю партиорганизацию и оставить ДВК без рабочих. Это не Крутов дает показания. Это показания Арнольдова». И добавил: до тех пор, пока показания Крутова не будут подтверждены другими лицами, протоколы его допросов в Москву он посыпать не станет, аресты лиц, названных Арнольдовым, производиться не будут.

Похоже, что Арнольдов искренне верил в существование на Дальнем Востоке активно действующей троцкистской организации, а себя мнил ее первооткрывателем. А коль так, нужны были решительные действия.

Втайне от Дерибаса и его заместителя Западного он с наручным отправил на имя руководства НКВД СССР копии протоколов допросов Крутова, Гербека и письмо, в котором указывал на «тяжелую обстановку» в Дальневосточном управлении НКВД и сопротивление Дерибаса и Западного. Арнольдов тогда не подумал, во что может выльться эта «решительность» для него самого...

Между тем из Москвы опять поступило предложение о переводе в центральный аппарат НКВД И. П. Шилова, и 15 июня 1937 года с женой и десятилетней дочерью он уехал из Хабаровска...

Судьба снова расбросала друзей. Только надолго ли?

По-разному реагировали чекисты на первые аресты в своей среде. Большинство недоумевало, появился растерянность, тревога. Были и такие, кто, опасаясь разделить судьбу своих недавних сослуживцев, «разоблаченных» и изолированных от общества,lixoradочно сочинял свои «воспоминания», направляя их в отдел кадров или партком.

О таких «доброжелателей», например, стало известно, что дальний родственник Шилова в 1928 году якобы намеревалась бежать за границу, а Нейман в гражданскую войну больше прославился не партизанскими делами, а как участник карательных экспедиций семеновцев. К счастью, в то тревожное время в центральном аппарате НКВД оставалась еще трезвомыслящие работники.

А вот на Б. Д. Богданова в партком и отдел кадров УНКВД поступила более серьезный «компромат»: «Тов. Климов утверждал, что тов. Богданов является близким родственником фашиста Троцкого». Не стану называть имени автора этого «сигнала» — он сам был реартизирован в те годы. Но «сигнал» сработал: начальник отдела кадров С. И. Полозов официально запросил своего коллегу во Владивостоке проверить факты.

Возможно, Полозов понимал абсурдность злого навета, но в той обстановке не мог отмахнуться от него: политический сигнал на сотрудника системы НКВД, да еще с прямым выходом на Троцкого, он был обязан проверить...

25 июня 1937 года Николай Петрович Шилов прибыл в Москву, и в тот же день в Хабаровске по обвинению в шпионской деятельности в пользу Японии был арестован Иван Иванович Горохович — рядовой работник отдела, которым он руководил последние пять лет.

ЛЮШКОВ И КОМПАНИЯ

В последних числах июня 1937 года в Хабаровск прибыл новый начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшков. До этого он был начальником УНКВД в Азово-Черноморском крае. С собою Люшков привез группу сотрудников, которая, как и бригада Миронова за полгода перед этим, должна была помочь дальневосточным коллегам в борьбе с «право-троцкистскими заговорщиками».

Еще до приезда на Дальний Восток Люшков и его группа выработали свой «план» оперативно-следственной работы. Он заключался, в частности, в том, что Люшков и его будущий заместитель в Хабаровске М. А. Каган и Г. М. Осинин направляли усилия подчиненных не на поиск действительных врагов Советского государства, а на раскручивание маховика репрессий.

Еще в Ростове Люшков, Каган и Осинин объединили вокруг себя службистов, спо-

себяных фальсифицировать протоколы допросов, добиваться от арестованных неправдоподобных показаний, принуждать их к самооговорам и оговорам невинных людей. Поэтому у Люшкова не было проблем, кого из сотрудников Ростовского управления взять в Хабаровск. В свою бригаду он включил Н. И. Евтушенко, А. П. Малахова, А. М. Малкевича, М. П. Рысенко и других.

Еще в пути Люшков инструктировал их, как вести себя на новом месте: держаться сплоченно, о ростовских делаах помалкивать. А перед самым Хабаровском всех предупредил: близких отношений с работниками Дальневосточного управления не устанавливать, так как все они будут арестованы.

«Должен, однако, сказать, что ростовский период деятельности Люшкова, Кагана, Осинина при моем, разумеется, участии, — год спустя будет рассказывать следователю Евтушению, — бледнеет перед тоб предательской системой работы, которую мы под руководством Люшкова практиковали в Дальневосточном крае...»

С приездом Люшкова в Хабаровск были отстранены от работы руководители ключевых подразделений краевого аппарата УГБ НКВД. На их место были поставлены свои люди, из Ростова. На первом же совещании Люшков открыто заявил оперативному составу УГБ, что Дальний Восток является оплотом контрреволюции на советской земле.

На общем партийном собрании управления он сказал: «Нам надо найти такие формы, чтобы дать возможность каждому разоблачать врагов, в первую очередь внутри нашего аппарата! И в подтверждение своих слов распорядился создать «осовую бригаду» во главе с Рысенко, которая должна была вести следственные дела чекистов. В ее, в частности, вошли также Евтушенко, Малкевич. «Работали» они на пятом этаже нового здания УГБ. Вход туда разрешался по специальному пропускам. Люшков «реорганизовал» и прокурорский надзор: если до его приезда прокуроры присутствовали при допросах, принимали и рассматривали жалобы арестованных, проводили очные ставки, то теперь их в камеру попросту не допускали. Окрыленные разрешением «вождя народов» применять меры физического воздействия, люшковцы сразу же ввели в практику избиение, применение самозажимающихся наручников, причинявших жертвам тяжкие страдания, многочасовые «стойки» и «коинейерные допросы» в течение нескольких суток без перерыва. Все это преподносилось как вынужденная мера в борьбе с «троцкизмом», контрреволюционной и вообще с «врагами народа».

В августе появилась директива Люшкова всем органам безопасности края: «...Перед нами поставлена задача самым беспощадным образом разгромить банду антисоветских элементов, осевших в колхозах, совхозах, на транспорте, в строительстве, промышленности, советских учреждениях и ведущих в них подрывную, диверсионную, террористическую, повстанческую и шпионскую деятельность, защитить советский народ от их происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ Советского государства».

Вероятно, в интересах полнейшего искоренения в крае «даже малозначительных и предполагаемых», но все же «врагов народа» Люшков дал указание репрессировать также и тех лиц, в отношении которых хотя и не было прямых улик, но создавалось мнение, что они тоже являются «вредителями». «Нередко изобличающие материалы поступали уже после ареста таких лиц», — признается позднее на следствии бывший начальник особого отдела строительного корпуса С. Е. Либерман.

В августе 1937 года управление захлестнула волна массовых арестов. Вместе с женой взяли заместителя Т. Д. Дерибаса А. С. Западного (брата Арнольдова), днем позже был арестован и второй его заместитель, С. А. Барминский, с женой. Не дождался ответа на свой запрос о Богданове Полозов, бывший делегат XI и XII съездов партии, Всесоюзной партийной конференции 1923 года, секретарь парткома УГБ, почетный чекист. Его бросили в тюрьму 10 августа.

Всех их обвиняли в том, что они якобы, являясь активными участниками «правотроцкистской организации» в Управлении НКВД края, используя свое служебное положение, покрывали право-троцкистские и белогвардейские кадры, в том числе и в самом управлении, готовили террористические акты против членов Политбюро ЦК ВКП(б), занимались вредительством, выдавали японским спецслужбам военные и государственные тайны, а после разгрома СССР намеревались создать на территории советского Дальнего Востока буржуазное государство под протекторатом Японии.

Вскоре дошла очередь и до самого Дерибаса. Как одного из руководителей «правотроцкистского заговора» в крае, его арестовали 12 августа вместе с тремя сотрудниками управления, рядовыми участниками этой «организации».

Для Богданова это был особенно тяжелый день: в числе арестованных оказался Леонид Капитонович Лихачев — начальник отделения разведотдела, руководителем которого он пока еще являлся. Это Лихачев вел оперативную игру с японской разведкой по делу «Весна». В чем мог провиниться чекист Лихачев? Вся его жизнь — как на ладони. В пятнадцать лет — боев Народно-революционной армии ДВР, в шестнадцать — участвовал в разгроме и подавлении вооруженных выступлений семенищевцев в Прибайкалье, в восемнадцать — секретарь уездного комитета комсомола в Николаевске-на-Амуре. Здесь в 1923 году он провел 1-й съезд комсомольцев Нижнего Амура. А потом была комсомольская работа на Сучанских копях в Приморье. С 1926 года — сотрудник Владивостокского окружного отдела ОГПУ. Там-то впервые и встретился с ним Богданов. Вместе гонялись за шайками хунхузов, а позднее разбатали в Маньчжурии.

Забегая вперед, скажем, что, несмотря на жестокость подручных Люшкова,

Лихачев виновным себя не признал. На «своих» ставках обвинения в свой адрес решительно отвергал. Никого из сослуживцев не причислили ни к право-троцкистской организации, ни к агентуре японской разведки.

Арнольдов мог быть доволен: тайно направленные им в Москву протоколы ского актива края, сменив по существу весь руководящий состав аппарата УГБ. Дело обещанием назначить его начальником Управления НКВД по Иркутской области? Так планировал Арнольдов свое будущее. Но... ирония судьбы! В качестве понятого Израилевича Западного-Кессельмана, у которого жил со временем присада в Хабаровск. А менее чем через неделю теперь уже к Арнольдову явились ночные гости организации из сотрудников центрального аппарата НКВД в управлений НКВД ряда областей»...

Несколько позднее А. А. Арнольдову-Кессельману, немало повиновенному в раскручивании маховика репрессий в Дальневосточном крае, будет добавлено еще обвинение «смазал» дело на бывшего начальника Дальлеса Г. Г. Гербека и, до конца не выявив его преступных связей, направил дело на рассмотрение военной коллегии.

Упорно и старательно три месяца Арнольдов копал яму для многих дальневосточных, в том числе и для чекистов. Десятки их стали жертвой неправедных обвинений, сфабрикованных московской бригадой. Но неожиданно для самого Арнольдова его жизнь пошла по тому же кругу: он оказался в яме, откуда выбраться ему не было суждено.

С отъездом Шилова в Москву беспокойство все больше овладевало Богдановым. Прибывший из Ростова Малкевич, назначенный в отдель его заместителем, держался подчеркнуто официально. Делами подразделения почти не интересовался. Трудно работать с таким заместителем. Но жизнь-то постоянно подталкивает к активным действиям, а заамурский противник — к решительным шагам. А тут еще целая серия арестов в своем доме... И кажется, они не последние. В своем заключительном слове на закрытом партсобрании УГБ Гришин, представитель Дальрайкома, заявил: «...Задача органов госбезопасности — выкорчевать до конца и раздавить каждого троцкистско-бухаринского и иного шпиона и всех, кто вздумает продолжать предательскую работу...»

Да, оперативная игра «Маки-Мираж» в крае заканчивалась, свернуто дело «Весна». Но в отдель есть новые, и довольно интересные, материалы. Малкевича же они, похоже, не интересуют.

Аресты угнетающие действовали на чекистов, об оперативной работе не приходилось говорить. Бодрячками чувствовали себя лишь ростовчане да кое-кто из бригады Арнольдова.

Одним из таких был Рысенко. Он расскажет позднее следствию, что после ареста Барминского, Западного с ним делился своей «программой» Осинин, заместитель Люшкова: «Надо культивировать такое настроение, что на ДВК кругом враги, а когда будет создано такое общественное мнение, тогда нарастем людей, загрузим работой аппарат и создадим эффект разгрома право-троцкистского заговора».

Зловещей фигурой был и сам Рысенко. По приезде в Хабаровск Люшков рекомендовал его заместителем секретаря парткома управления. Внешне он был обходительным, контактным, с организаторскими способностями и опытом партийной работы. Это притягивало к нему людей. А во время ведения следствия становился неизвестным, превращаясь в садиста.

Надо сказать, что люшковцы для ведения «серезных» дел подбирали следователей из местных работников, но зачастую с определенным уклоном: один был уличен в подделке каких-то личных документов, другой скрыл социальное происхождение, третий допускал нечистоплотность в расходовании государственных средств...

Пришел черед и Богданова. Его арестовали 28 августа «за участие в право-троцкистской организации». Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Васильевна, секретарь-машинистка канцелярии стадиона «Динамо». В августе приспешниками Люшкова было арестовано около двадцати сотрудников краевого аппарата НКВД, не считая работников особых отделов, где также шли массовые аресты. Аресты чекистов края продолжались в сентябре, октябре до самого конца года, и не только в Хабаровске, но и в Биробиджане, Николаевске-на-Амуре, Комсомольске. Практически во всех районах края.

До Шилова в Москву доносились слухи о хабаровских арестах. Знакомых, с которыми бы можно было поговорить на эту деликатную тему, он еще не знал и потому терялся в тревожных догадках, предчувствуя что-то недоброе и для себя.

Без санкции прокурора, лишь по запросу Люшкова, 29 августа 1937 года Николая Петровича арестовали и отправили в Хабаровск. Следствие было поручено Рысенко, Малкевичу, Инжеватову.

Окончание следует

ВЫСТРЕЛЫ В СПИНУ

АРЕСТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Концу 1937 года волна арестов несколько спала. К тому времени за решеткой оказалось более сорока чекистов. А ведь никто из них в органы госбезопасности не был взят просто так, с улицы. Никто из них не прошел мимо комиссий райкомов партии и комсомола, многие проявили себя в годы гражданской войны. А разведчики практически все были проверены «на стойкость» в бескомпромиссных схватках с врагами Советского государства за пределами Родины. И никто из них в экстремальных условиях не дрогнул. И вот теперь они — «враги народа». Когда же они успели стать такими? И неужели действительно они — враги?

Одна волна спала, другая набирала силу. Вероятно, приняв как «руководство к практической деятельности» разъяснение сталинского Политбюро о правомерности применения к арестованным «врагам народа» физических мер воздействия, Каган лично давал указания сотрудникам следственных бригад управления (они по существу были при каждом оперативном отделе) об активном их использовании в следственной практике. Его приспешники Рысенко, Малкевич, Осинин, Евтушенко, Малахов и другие широко применяли эти жестокие «меры». Они корректировали протоколы допросов, искажали в них смысл показаний, нередко дописывали в протоколы факты, о которых арестованные не говорили.

Вот как это выглядело на практике. В сфальсифицированный протокол допроса уже «признавшегося» в преступлениях следователи самолично внесли имена почти шестидесяти человек. Многие из них арестованный слышал впервые, не говоря уже о «фактах» их якобы преступной деятельности.

В другом случае следователь выбил у арестованного показание о том, что якобы его знакомый «имел ряд непосредственных встреч с Симадой — японским консулом в Хабаровске». Упомянутый следователь далее «откорректировал» это показание, после чего оно читалось так: «он лично рассказывал, что является старым японским шпионом и что здесь, в Хабаровске, он имеет систематические встречи с японским консулом Симадой, от которого получил прямые директивы по созданию повстанческих организаций и диверсионно-террористических групп...»

Такой способ получения «изобличающих» показаний со временем посеместно превратился в систему. Его особая опасность заключалась не только в его беззаконности, но и в том, что содержание полученных таким способом показаний ни следственным, ни оперативным путем не проверялось, не документировалось, не конкретизировалось. Оно принималось как доказательство само по себе. А на основании таких зачастую голословных и клеветнических, а то и просто сфабрикованных следствием показаний проводились новые аресты. Собственно Люшков и его подручные практически не ставили перед следователями задачу объективно разобраться в каждом деле, а требовали, чтобы они обязательно добивались признания арестованных об их участии в «заговоре».

Но если бы кто-то из следователей, из честных коммунистов-чекистов запротестовал против такой системы создания явно провокационных дел, то рисковал бы попасть в заговорщики, т. е. сам мог быть проведен по показаниям других арестованных как «враг народа»... Позднее в этом признается тот же Либерман.

Особую жестокость следователи проявляли при допросах бывших сотрудников НКВД. В специально отведенные для этого дни применялось поголовное их избиение. Для оказания «помощи» следователям была даже создана группа во главе с люшковским выхмышлем Малаховым, которая ходила по кабинетам и истязала жертвы.

Если на первых порах от арестованных требовали показаний об их причастности к право-троцкистской организации, якобы существовавшей в системе УНКВД ДВК, то позднее Люшков для команду искать среди них лиц, которые намеревались совершить акт террора против маршала Блюхера или готовили широкий террор.

Окончание. Начало: «Дальний Восток», 1991, № 2.

Каган, заменивший Западного, дал указание во всех следственных делах «находить здесь мы крепко громким японским спецслужбами. Это нужно для того, чтобы показать Москву, что здесь есть японские связи...» — объяснял Каган. Наступила полоса «признаний» арестованных в причастности к террору и преступных связях с японцами. От бывшего начальника Благовещенского погранотряда Г. А. Клиновского добились «признания» даже в том, что он якобы продал японцам принадлежащие Советскому Союзу острова на Амуре, а бывшего командующего Восточным фронтом С. П. Седышева записали японским шпионом еще со времен гражданской войны.

Бывало так, что после жестоких избиений Богданов находился в таком состоянии, что не читая, подписывал протоколы допросов, заранее подготовленные следователями. В подобном же состоянии иногда он подписывал протоколы очных ставок, в которых не участвовал. Собственно, их-то не очень и давали читать. «Подпиши, пожалуйста! Потом прочитаешь!» — требовали следователи. Позже их ему вообще не просто не существовало. Надеялся, что впереди — суд военного трибунала, на котором ему по закону дадут возможность защищаться, сказать правду.

Так, в частности, его обвиняли, что он якобы в 1923 году предупредил японское консульство в Хабаровске о подготовке ГПУ взрыва моста через реку Ялу, отчего жители Владивостока, нужно было ехать в Хабаровск, где он, кстати, раньше ни разу не бывал, в то время как такие же консульства были во Владивостоке, Уссурийске. Да и зачем нужно было ГПУ взрывать мост на границе Китая с Кореей? С серьезным видом следователи заставляли Богданова подписать протокол, в котором фиксировалось, что он только в 1936 году как агент японской разведки:

- установил связь с японским консульством в Хабаровске;
- через связника установил контакт с разведотделом штаба Квантунской армии;
- сам создал линию связи с харбинской ЯВМ, а в декабре связался с ее начальником — генералом Андо.

Даже школьнику ясно, что такая работа под силу добруму десятку здоровых и грамотных мужиков, не говоря уже о том, что самостоятельное установление контактов с различными подразделениями по существу одной и той же японской спецслужбы не что иное, как детсадовский лепет, абсурд.

Люшков и его подручные «вскрыли врагов народа» в системе органов НКВД не только в Хабаровске. Менее всего досталось аппарату УНКВД по Еврейской автономной области. Пока установлено, что в октябре 1937 года здесь были арестованы как участники право-троцкистской организации лишь его начальник А. Н. Лавтаков да начальник одного из отделов областного управления, бывший командир партизанского отряда отважный кореец Хан Чан Гер.

Другое дело партийный и хозяйственный актив области.

Невероятно жестоко вела себя направляемая в Биробиджан с 1937 года следственная бригада. За короткое время был полностью опровергнут советско-партийный и хозяйственный аппарат. Пока установлено, что в октябре 1937 года здесь были арестованы как участники повстанческих организаций.

Для развертывания такой же «оперативно-следственной» работы 9 декабря 1937 года Николаевск-на-Амуре прибыла бригада из шести человек во главе с Люшковым. Он сразу же провел совещание, на котором открыто объявил всех оперативных и следственных работников областного управления и районного звена в притупленности и предупредил, что будет решительно расправляться с теми, кто не сумеет перестроиться в сжатые сроки и работать по-новому. «Такие люди, — пообещал он, — будут арестованы и судимы как пособники врага!»

А через несколько дней как «участники право-троцкистской организации» были арестованы А. Ф. Люшковский — начальник областного УНКВД, а потом — оперативный работник Н. И. Монахов. За месяц до этого такая же участь постигла И. З. Гуревича — заместителя Люшковского и начальника отделения Янковского.

Но главный удар бригады Люшкова нанесла по партийным и советским кадрам Нижнеамурской области.

«...Необоснованные и массовые аресты, фальсификация следственных дел, преступные методы ведения следствия», — так позднее будет характеризовать «рабочую» обстановку в областном аппарате НКВД выдвиженец Люшкова начальник областного управления Фельдман. Это он сразу же после своего назначения предупредил подчиненных: любой работник, у которого возникнут сомнения в правдоподобности «признающих» показаний арестованных, сам может оказаться в одной камере с «врагами народа».

Грубейшие нарушения уголовно-процессуальных норм, допускавшиеся и Люшковым, и его ставленником Фельдманом в оперативно-следственной практике, они объясняли необходимостью более эффективной борьбы с «врагами народа» и для пользы дела. «...Если ты будешь допрашивать по УПК, то много от кулака показаний не ляжет. Если ты будешь бороться без УПК, — поучал Люшков.

На заявление одного из работников управления о том, что он не согласен «фабриковать» дела, Фельдман ответил обвинением в непонимании политической обстановки в стране, назвав его саботажником и пригрозил суровыми последствиями.

В начале 1938 года Люшков вновь появился в Николаевске-на-Амуре. Последовали новые аресты среди гражданского населения, военнослужащих и, конечно, сотруд-

иных органов НКВД области. Начальник Кербинского районного отделения Емельян Карпович Нерод, член ВКП(б) с 1920 года, был арестован как «участник право-троцкистской областной группировки». Е. К. Нерод и в то сложное время, не поддавшись давлению «сверху» и «общественности», придерживался установленного законом осуждения и порядка применения репрессивных мер к виновным. Правда, краевое руководство УНКВД оценивало это как непонимание Неродом требований времени. Наиболее «блестящие» из жителей района такую позицию начальника райотдела НКВД оценивали не иначе как преступную в деле разоблачения «врагов народа», о чем писали руководству УНКВД, в редакцию районной газеты. Лучшего повода для расправы с непослушным Люшковым и не искал.

«Как участник право-троцкистской организации осуществлял вредительскую деятельность, направленную на развал оперативной работы райаппарата, оберегал скопулацкий и белогвардейский элемент, ведущий антисоветскую работу в районе, скопулячивал кадры для повстанческой работы, проводил новые вербовки в состав право-троцкистской организации», — так охарактеризована в обвинительном заключении «преступная» деятельность Е. К. Нерода. По таким делам приговоры выносились однозначные, и обжалование они не подлежали.

В конце января 1938 года находившийся в Москве Люшков в разговоре по «прямому проводу» с Каганом дал указание активизировать допросы арестованных пограничников и сотрудников УГБ. Собрав у себя почти три десятка следователей, Каган потребовал от них к двум часам ночи любыми средствами «привести в сознании» всех арестованных, а позднее сам ходил по кабинетам и кулаками «помогая» следователям. В ту ночь на пятом этаже слышались стоны, крики, ругань. К установленному сроку «признались» все арестованные.

Но, как свидетельствуют документы, даже с помощью средневековых методов допроса с первого захода следователи Люшкова получить нужные показания от арестованных чекистов, как правило, не удавалось. Упоминавшийся выше Малишев был арестован 26 августа 1937 года. Но только спустя полгода он «заговорил». Можно себе представить, сколько ему пришлось пережить и чего стоили его показания. Потребовалось пять месяцев, чтобы выбить такие же показания и у начальника отделения УГБ Е. И. Казакова.

Несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на долю отважного сотрудника дальневосточной разведки Лихачева, он ушел из жизни, не поступившись своей честью. Так же решительно держалась и Мария Васильевна — жена Б. Д. Богданова.

В феврале 1938 года большая группа арестованных чекистов края предстала перед выездной сессией военной коллегии Верховного Суда СССР. Все — как участники «право-троцкистской организации», будто бы существовавшей в системе органов НКВД Дальневосточного края. Для них это была последняя надежда: сказать там всю правду, а суд объективно разберется в их делах и вынесет справедливые решения. Но тогдашняя военная коллегия не вскрывала явных и скрытых фальсификаций, а называвшиеся подсудимыми факты их избиения во время следствия высушивала с притворным удивлением, высказывая при этом даже сомнения в реальности таких извращений и беззаконий. Нередко бывало и так: обвинительные заключения по уголовным делам, рассматривавшиеся на заседаниях коллегии, Каган, а позднее и Осинин, оба заместителя Люшкова, утверждали не до заседания военной коллегии, а после него, а то и после исполнения смертного приговора.

Хотя всех арестованных чекистов обвиняли в принадлежности к одной антисоветской организации, каждого из них судили по-побойнически. Заседание, в ходе которого решалась судьба человека, порою длилось всего 10—15 минут. Наторопившие на таких делах члены военной коллегии под председательством то ли бригаденкориста Кайдыбина, то ли диввоенкориста Никитченко выносили неправедные приговоры независимо от того, признавал свою вину подсудимый или нет. По таким приговорам 4 февраля 1938 года было расстреляно 8 чекистов, 5 февраля — 10, 7-го — 12, 9-го — 6... Только за один февраль 1938 года на основании сфальсифицированных обвинений по приговорам военной коллегии было расстреляно 39 чекистов, в том числе 11 сотрудников разведотдела, пять военных контрразведчиков, четверо — из отряда кадров, среди них — С. И. Половцов, Б. Д. Богданов. В тот день, когда А. К. Михееву, бывшему кадровику управления, объявили смертный приговор, кабинете следователя от жестоких побоев умер его сослуживец Иван Николаевич Дмитриев, который полгода категорически отрицал свою причастность к троцкизму и отказывался кого-либо оклеветать... В эти же дни были расстреляны жены пяти бывших руководящих работников УГБ.

Свидетели этих трагедий — стандартные справки, в четвертушку листа. Констатация факта — и никаких сведений о времени и месте гибели.

Неизвестно, куда канули Инжеватов, который вел следствие по делу Богданова и подготовил по нему обвинительное заключение. Уже давно нет в живых Рысенко, согласившегося этим заключением, и Осинина, утвердившего обвинение. В деле нет документов, которые бы подтвердили, что по окончании следствия, в соответствии со статьей 206 действовавшего тогда Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Богданов был ознакомлен с материалами его дела. Скорее всего, это требование осталось невыполненным. Неизвестно, когда — не указана дата — было утверждено само обвинительное заключение. Из-за отсутствия в архивно-следственном деле материалов судебного разбирательства невозможно установить, как оно состоялось, вызывался ли на него Богданов, как этого требовал закон, чтобы он смог защитить себя. По

следственному делу Богданова есть только один «итоговый документ», подписанный Судом СССР о высшей мере наказания Богданову Б. Д. исполнен 10 февраля 1937 года в 23.00».

Так был вычеркнут из жизни патриот и коммунист Борис Давыдович Богданов. Существовали ближайшие подручные Люшкова — его заместители Каган и Осинин. Они будто бы хотели удостовериться, что те, кто знал глубину их морального падения и разложения, масштабы твоимими ими беззакония, действительно уже стали бессловесными.

Расправившись с первой группой чекистов, люшковцы продолжали начатые в НКВД. И снова люшковская команда следователей во главе с Каганом и Осининым беспрерывным допросом, открыто продолжалась фальсификация следственных дел. Порой это грубое беззаконие вызывало откровенное возмущение со стороны отдельных сотрудников УГБ. О недостатках в работе, произволе и беззаконии, чинившихся в органах НКВД края, они писали в рапортах, письмах, заявлениях. Однако зачастую их авторы изгонялись из органов госбезопасности, нередко репрессировались по должностным обвинениям в «измене Родине», повторствованию врагу, со всеми вытекающими последствиями. На одном из оперативных совещаний помореуправомонименного экономического отдела УГБ Алексей Васильевич Федоров, он же секретарь комитета ВЛКСМ управления, открыл упрекну Кагана в попустительстве такому беззаконию. Каган грубо прервал Федорова, а на другой день Федоров был арестован как «террорист — участник право-троцкистской организации». Опытнейший в таких делах Рысенко в течение месяца «выбывал» из него «признательные показания» о том, что в системе УНКВД по ДВК якобы существует молодежная троцкистская организация. Он обещал прекратить истязания, если Федоров подтвердит в качестве ее участников имена молодых чекистов. Федоров выдержал издевательства. Позднее, что в те годы было редкостью, его освободят из-под стражи «из-за отсутствия состава преступления».

Следует отметить, что руководство УГБ и вся люшковская команда систематически и постоянно винила рядовым, да и не только рядовым, оперработникам и следователям, что сотрудники управления не имеют права становить под сомнение виновность арестованных (санкционно-то на арест давали Люшков и его заместители!). Они настойчиво требовали видеть в каждом из арестованных шпиона и «врага народа», которые так просто не сознаются в своих преступлениях.

Тех, у кого только появлялись такие сомнения, недвусмысленно предостерегали: «Не будьте адвокатами у врага, не становитесь на его защиту, в противном случае вы можете сесть на место арестованного». Других руководство приглашало к себе вежливо говорило: «Ваша практическая работа вызывает сомнение», а это уже был открытый намек на возможные последствия.

Вероятно, за активное участие в погроме, учлененном в коллективе чекистов в декабре 1937 года, по представлению Люшкова, ордена были награждены верные ему Рысенко и Евтушенко, а Хорошилов получил внеочередное звание...

Более чем через два месяца после ареста Н. П. Шилова в его следственном деле появились первые протоколы допросов. После доставки в Хабаровск на допрос его вызвали только 3 ноября 1937 года. Он продолжался до 12 ноября и велся «конвейерным» способом. Следователи Инжеватов, Малкевич чередовали его с побоями, в том числе и в кабинете Осинина. Обещали прекратить их, если признается японским шпионажем и право-троцкистской деятельности. Для начала Шилов признался, что происходит из дворян, его отец сейчас директор Вильнюсского банка, а сам он польский шпион. Может быть, следователи уловили в показаниях уже порядком изнурившего Шилова хоть сквозь слезы, но иззвеку над ними? Ведь простейшей проверкой они установили, что отец Шилова умер, когда тому исполнился только год.

И снова побои. Доведенный до ослабления рассудка, 12 ноября Шилов признался, что он японский шпион и член троцкистской организации. А через день заявил Инжеватову: все, что из него выбили на предыдущих допросах, — это ложь и клевета. В ответ — опять побои и «одиночка». А в январе — опять допросы у Малкевича, Рысенко, Инжеватова. Всякому предложению о подписании фальсифицированных протоколов предшествовало истязания. Эти трое мужчин с каким-то сатанинским наслаждением избивали поседевшего добела, изможденного и измученного Шилова.

После таких «обработок» на душе бывало так тяжело, что не раз возникала мысль самому распорядиться своей жизнью. Не только физические страдания толкали его на такой шаг: не хотел позорить себя подписанием надуманных протоколов и клеветать на честных людей.

4 февраля 1938 года Шилову дали очную ставку с его бывшими подчиненными по разведотделу П. И. Лапиным, С. Л. Хомяковым. С Лапиным он общался не очень часто. А вот с Хомяковым его связывала более чем десятилетняя совместная работа. Много им пришлось соли съесть еще во Владивостоке. Это он, Хомяков, во время «большого предательства» на западной ветке КВЖД самоотверженно вывел из Маньчжурии попавших в беду советских патриотов, успев все же найти ответ на главный вопрос: «Кто и каким образом предал их?...» А два года спустя его отправили руководить родственным подразделением в Амурском областном управлении, поближе к саянинской ЯВМ, с которой они уже добрых десять лет вели крупномасштабную опе-

ративную игру «Маки-Мираж». Сам испытавший изощренные издевательства со стороны Рысенко, Малкевича и других «светил» люшковской бригады, Н. П. Шилов на веряка не очень-то удивился тому, что бывшие сослуживцы теперь называют его японским шпионом. Но не знал Шилов тогда, пожалуй, главного: в тот же день, 4 февраля, в военной коллегии рассматривалось дело Н. П. Лапина, и она приговорила его к расстрелу. Приговор был исполнен в тот же день. А на другой день, 5 февраля, то же произойдет и с Хомяковым.

Не вызывает сомнения, что набившие руку на провокациях Рысенко и Малкевич, предупредив и Хомякова, и Лапина о предстоящем суде, потребовали от них, уже стоявших на краю жизни, изображающих Шилова показаний. Нет, Шилов не сдался. Он категорически отверг наветы как не соответствующие действительности.

На очередной допрос Шилова вызывали только через полгода.

Шилов давно за решеткой, Богданова уже нет в живых, а к Владимиру Абрамовичу Нейману никак не могут дотянуться «ежовские рукавицы»: он — опять за рулем. Но Люшков настаивает. Вызвали Неймана из тридцатого государства и через Москву направили в Хабаровск. Но не для разработки новых хитроумных ходов против японских спецслужб, непрерывно наращивавших свои проники у советской дальневосточной границы. Нет, не для этого везли его через всю страну в арестантском вагоне. Богданов уже трагически закончил свой жизненный путь. Как мог, еще сопротивлялся неправде измученный изощренными допросами Шилов. Он не знал, что его давний товарищ возвращался в Хабаровск в таком же вагоне, как и он сам. Нейман был арестован как участник той же самой мифической, выдуманной Арнольдовым, право-троцкистской организации и как японский шпион. Он обвинялся, в частности, в том, что использовал зарубежные каналы по делу «Маки-Мираж» якобы для снабжения по нем японской разведки достоверной информацией о политическом и военно-экономическом потенциале края. В государственных преступлениях обвинили человека, который, годами рискуя собой за пределами Родины, самоутвержденно выполнял задания по обеспечению ее интересов и безопасности. И, видимо, это у него получалось неплохо: подтверждением тому — награды, которых он был удостоен. В 1927 году Владивостокский окружной наградил Неймана браунингом, а в 1932 году полномочное представительство ОГПУ по ДВК — маузером. Несколько позднее коллегия ОГПУ награждает его для того времени престижным пистолетом системы Коровина, еще через год — весьма чтимым в чекистской среде знаком «Почетный чекист». А вот в графе о серьезных промахах и выскакиваниях за все годы службы Неймана в различных подразделениях госбезопасности стоит одно краткое, но на веряка вызывающее уважение слово — «нет».

Так два старых друга неожиданно для себя снова оказались в Хабаровске.

СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЯ

Еженедельник «Аргументы и факты» под заголовком «Неразгаданная тайна» опубликовал небольшую статью П. Коровинского. Через неделю в газете «Тихоокеанская звезда» под интригующим заголовком «Тайна ночного побега» появился материал профессора Гавайского университета Джона Стефана. В обеих публикациях шла речь о бывшем начальнике Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю Г. С. Люшкове.

К сожалению, оба автора допустили значительные неточности. Излагая версию о назначении Люшкова «командующим силами НКВД на Дальнем Востоке», Д. Стефан указывает, что наряду с поставленной Сталиным и его близким окружением задачей «очистить край от шпионов, саботажников и скрытых врагов» Люшков должен был еще и арестовать полномочного представителя Дальневосточного НКВД В. А. Балицкого, ликвидировать бывшего командующего Дальневосточными ВВС А. Я. Лапина, арестованного в мае 1937 года в Хабаровске, вести наблюдение за командующим ОКДВА В. К. Блюхером.

Мы не располагаем какими-либо материалами о преследовании маршала. В отношении же первых двух задач, касающихся В. А. Балицкого и А. Я. Лапина, можно сказать, что Сталин таких заданий Люшкову не мог дать, и по очень простой причине: в конце июня 1937 года, менее чем через двадцать дней после своего назначения начальником Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю (а не «полномочным представителем Дальневосточного НКВД»), В. А. Балицкий был отозван из Хабаровска и к моменту назначения Люшкова находился в Москве. Там же был и А. Я. Лапин, а специалисты по ведению «следствия» уже нещадно выбивали из него «признательные» показания.

Начальником Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю в то время был Т. Д. Дерибас.

А теперь о самом побеге Люшкова в Маньчжурию и его дальнейшей судьбе, как об этом свидетельствуют зарубежная пресса, официальные документы, участники и современники тех событий.

12 июня 1938 года. Южная окраина Приморской области.

Давно уже наступили глубокие сумерки, когда трое уверенно вышли на едва ощущавшуюся под ногами тропу. Остановились в неглубокой лощине. Стихиан шаги следивший за ними охраны. Старший, небольшого роста, в сером комбинезоне и кепке, нетромко давал последние указания сопровождавшему его пограничному коман-

диру о порядке охраны границы на его участке до утра следующего дня. Все это в деталях было уже обсуждено в погранотряде, поэтому командир отвечал человеку в комбинезоне спрятанно, коротко: «Так точно, товарищ комиссар», «Будет сделано, как вы приказали, товарищ комиссар»...

Собеседник у командира-пограничника был необычный — начальник Управления Люшков Генрих Самойлович, который одновременно являлся и старшим начальником пограничных войск, дислоцировавшихся на всей территории огромнейшего края.

Появление Люшкова на самом южном участке приморской границы для пограничников не явилось чем-то неожиданным. Давно тут было неспокойно. Особенно после захвата японцами Маньчжурии. Редкие дни проходили без стычек то с японцами из числа беломигрантов, пытающихся во задании тех же японцев прорваться в японские и маньчжурские войковые частей...

Командование Посынского погранотряда извещено было и о другом: сегодня ночью по личному указанию наркома И. И. Ежова Г. С. Люшков должен пройти встречу, в непосредственной близости от границы, с весьма важным агентом. Этот Люшков проводил один на один. Там же передаст ему вознаграждение — 4000 гоби... И отсюда к месту встречи Люшков пойдет тоже один: днем скрытым наблюдением его предстоящий маршрут был проработан детально... Но граница есть граница. И хотя встреча должна состояться на советской территории, Люшков на «всякий случай» засунул под комбинезон маузер и браунинг...

Недолгое время вместе с Люшковым шел заместитель начальника разведотдела краевого управления, лейтенант госбезопасности К. Н. Стрелков, до этого не раз сопровождавший его в подобных поездках. Вскоре они рассстались: Люшков продолжил путь к месту встречи, а Стрелков, тоже хорошо вооруженный, по его приказу залег возле самой государственной границы, в трехстах метрах от места встречи комиссара с агентом, готовый прийти на помощь при возникновении опасности для начальника... Люшков все рассчитал верно.

Туманное утро 13 июня 1938 года. Катосима и Таобин, полицейские хунчуньского пограничного отряда, внимательно притягиваясь, не спеша обходят свой участок. В четырех километрах — советская граница. Оттуда нередко появляются люди. С какой целью они пришли сюда — не их дело. Главное — не просмотреть таких «гостей», вовремя задержать и передать их господину старшему полицейскому.

Обостренный слух уловил в тишине шаги со стороны границы. Не говориваясь, оба присели: шаги приближались, в густом тумане показалась силуэт шагавшего человека. Когда тот подошел на 40—50 метров, полицейские окликнули его: кто такой и что он тут делает? Человек мгновенно остановился, будто давно ожидал окрика, что это одиночка, тут же вытащил из-за пазухи два пистолета и бросил их на землю, а потом высоко поднял руки, показывая, что он сдается.

Не спуская глаз с нарушителя границы, одетого в серый комбинезон поверх сапог и в серой кепке на голове, полицейские подобрали оружие, а потом, разрешив опустить руки, отвели в село Тойсон. Там перебежчик отдал полицейским свое удостоверение. С фотокарточки на них смотрел смуглый, с черными пьющимися волосами человек. Прямой нос, высокий и широкий лоб, большие глаза делали его внешность выразительной. Сравнивая фотокарточку с сидевшим перед ними человеком, полицейские пришли к выводу, что это одиночка, то же лицо. С большим трудом удалось узнать и записать, как они поняли, фамилию, имя задержанного — Юсиков Енриф...

Конечно, бегство крупных советских работников за рубеж, их рассказы об истинном положении вещей, о безудержной «чистке» в стране те годы были не единичны. Но зачастую это были те, кто не принял сталинизм и спасался бегством.

Уведомленный своими подчиненными о задержании белгелаца, в Тойсон немедленно выехал Суэки Хибудзи, командир подразделения хунчуньского погранотряда. Там, в полицейской будке, он увидел Люшкова. Под комбинезоном нарушителя — гимнастерка военного образца, черные брюки галифе с красным кантом. На гимнастерке прикреплены три ордена. Полицейские доложили, что кроме двух пистолетов у Люшкова обнаружено 4000 маньчжурских гоби, 300 рублей советских денег.

После краткого опроса Люшкова переодели в гражданское, отвезли в город Хунчунь, где в отеле «Актона Ямато» он дал первое интервью, в котором, как писали позднее, «он безжалостно разоблачил сталинскую безумную деятельность, направленную на борьбу с политическими противниками».

...В то время как Люшков давал первое интервью, ретивые следователи УГБ уже с пристрастием допрашивали арестованного К. Н. Стрелкова, добиваясь от него «правдивых показаний о своем содействии в бегстве за границу изменника Родины».

Для расследования обстоятельств побега Люшкова Н. И. Ежов срочно направил в Хабаровск комиссию во главе со своим заместителем, «многоопытным» Фриновским.

Командование Квантунской армии предложило доставленного в Харбин Люшкову опубликовать в эмигрантских газетах и журналах открытое письмо о причинах своего бегства из СССР, что он и сделал. Вскоре в эмигрантской прессе, наряду с заявлением и автобиографией Люшкова, были помещены его фотографии, фотокопии партбилета, удостоверений личности и депутата Верховного Совета СССР, пропуска на XVII партсъезд.

Лояльно настроенные к СССР эмигранты в Маньчжурии говорили о Люшкове как о предателе, равного которому в СССР не было и нет...

В Харбине Люшков был недолго — его переправили в Токио, где он был помещен в хорошо охраняемый особняк. Офицеры Генштаба приступили к допросам.

Неизвестно, какие документы унес Люшков в Маньчжурию и передал японским властям. Не не вызывает никакого сомнения, что он был осведомлен о военно-экономическом потенциале советского Дальнего Востока, в том числе и в оборонном строительстве. Он наверняка знал взгляды, расчеты, планы военно-политического руководства страны на случай военного конфликта, и в первую очередь с Японией. Недаром же в эмигрантской прессе позднее указывалось, что Люшков — большое приобретение для Японии, ибо он оказал японскому командованию значительную помощь в выявлении действительной мощи войск Красной Армии, расположенных на советско-маньчжурской границе. И как бы в подтверждение сказанного журналь «Рубеж» в своем тридцать четвертом номере за 1938 год поместил фотографию Люшкова с офицером Генерального штаба японской армии, которому он давал пояснение по карте Советского Союза, рассказывая о советских военных планах. Люшков был весьма сведущ и в вопросах пограничной службы на Дальнем Востоке.

Конечно, советскому руководству важно было узнать, какие все же показания дала японцам Люшков. Известно, что такую попытку сделала корреспондент югославской газеты «Политика» и французского агентства «Гавас» Брайко Вукелич, сподвижник Рихарда Зорге.

В целях пресечения деятельности предателя чекисты пытались нашупать его истинное местонахождение. Однако смелые планы так и остались на бумаге. Попросту их к тому времени уже некому было выполнять.

Но японские власти хорошо знали Люшкова не только потому, что он выдал им секреты государственной важности. И не только за то, что он публично поддержал политику милитаристских кругов Японии в Азии и в отношении Советского Союза. Они были признателны ему и за результаты его преступной деятельности в крае. Наряду с учиненным погромом советско-партийных и хозяйственных органов с ведома Люшкова была репрессирована значительная группа командно-политического состава всех родов войск, дислоцированных на советско-маньчжурской границе. Были до основания разгромлены и на значительное время прекратили свою деятельность армейские и территориальные разведотделы края. Сотни опытнейших пограничников и контрразведчиков оказались за тюремными решетками... К тому же для создания столь благоприятной для них обстановки японские спецслужбы не затратили ни одной иены, не потеряли ни одного человека. Вот каким огромным приобретением оказался Люшков для японцев.

Бегству Люшкова за рубежом сразу было придано чрезвычайно важное значение. Этот факт расценивался как возникновение движения против Сталина в высших кругах советского руководства. В крупнейших японских газетах «Асахи», «Токио Ничи-Нин» и других появился интервью Люшкова, в которых он представлялся как участник антисталинского организации, существовавшей в СССР. И он бежал, якобы почувствовав реальную опасность со стороны советских властей.

Что бежал — не вызывает сомнения. Но точно ли сформулирована причина? Попытаемся разобраться. Во-первых, какой же Люшков «антисталин»; если сразу же по приезде в край он стал главным режиссером невиданной до этого вакханалии незаконных массовых арестов, грубейших извращений при ведении следствия, жестоких приговоров в отношении, как правило, минимум противников сталинизма... Только на двух заседаниях зловещих «троек», состоявшихся в конце марта 1938 года, на которых председательствовал Люшков, вместе с прокурором Хитрово и секретарем крайкома Анисимовым он вынес смертный приговор нескольким сотням «антисталинистов». Последний такой приказ о расстреле нескольких десятков невиновных Люшков отдал за четыре дня до своего побега, 8 июня. Нет, с антисталинизмом Люшков ничего общего не имел. Причина его бегства за кордон была другая.

Вспомним, как Люшков появился на Дальнем Востоке. В Харбине он прибыл в конце июля 1937 года на должность начальника УНКВД по Дальневосточному краю, которую в это время занимал Дерибас, т. е. при «живом начальнике» приехал на его должность». Развязка наступила быстро. Используя данные ему в Москве полномочия, Люшков вскоре арестовал Дерибаса со всеми его заместителями, а потом почти весь руководящий состав УГБ, пограничной службы, а за ними в тюрьму пошли и рядовые работники. Все они с небольшими вариациями обвинялись в принадлежности к «право-троцкистской организации, существовавшей в системе органов НКВД Дальнего Востока»... Следом — массовые аресты среди гражданского населения.

Чтобы избежать ответственности за творимые им самим беззакония и не разделить судьбу им же арестованных чекистов, Люшков решил упредить события и бежал за кордон. Этот вывод подтверждается и таким фактом. Близко общавшийся с Люшковым Нисимура Тосио, бывший начальник 2-го отдела штаба Квантунской армии, в июне 1942 года говорил своему сослуживцу: «Люшков допустил большую ошибку и, боясь ответственности перед органами власти и дабы не попасть самому под чистку, бежал в Маньчжурию».

Готовился ли Люшков заранее к побегу? Забегая вперед, отметим, что никто из допрошенных в 1945 году свидетелей из числа сотрудников японских спецслужб, в разной мере посаженных в дело Люшкова, не указал, что беглец принес с собою какие-либо оперативно значимые документы, кроме своих личных...

В этой связи вызывает сомнение достоверность того утверждения Л. Стефана, что Люшков готовясь к побегу, «берет ценные документы», включая заключительные показания Лапина.

Документально установлено, что из Москвы Лапина доставили в хабаровскую тюрьму 2 сентября 1937 года, где он пробыл до 21 сентября — и ни разу за период личного всем, что было связано с арестом и следствием по его делу, Лапин покончил с собой самоубийством в тюремной камере. Обо всем этом однозначно заявил следователь бывший начальник тюрьмы В. П. Крумин во время расследования обстоятельств гибели Лапина. Собственно, какую значимость имели даже последние показания Лапина к тому же год назад?

И другое. Несмотря на предательство Люшкова, продолжала свою патриотическую деятельность в Японии разведгруппа легендарного Рамзая, хотя по материалам разведотдела УГБ края он уже проходил.

Не была поколблена и уверенность японской разведки в преданности агентов Старика и Большого Корреспондента — ключевых фигур многолетней оперативной игры хабаровских чекистов «Маки-Мираж», удачно «подставленных» японским спецслужбам в Маньчжурии в начале тридцатых годов...

Скорее всего, к бегству за кордон у Люшкова «были» сборы недолги.

В Токио Люшков работал в гражданском учреждении «Това кенку дже», в Бюро по изучению Восточной Азии, которое подчинялось 2-му отделу Генштаба. Люшков специализировался на изучении политico-экономических вопросов, касающихся Советского Союза. На основании обработки материалов советской прессы и радиопередач из Советского Союза Маратов — под такой фамилией выступал Люшков — готовил сводки об экономическом и политическом положении нашей страны, которые учитывались японским Генштабом. Маратов выступал и как советник 2-го отдела штаба Квантунской армии. По просьбе командования Люшков иногда — и, конечно, инкогнито — появлялся в Маньчжурии, где участвовал в отработке планов очередных подрывных операций японских разведывательных служб против СССР. В частности, в сентябре — октябре 1944 года он работал в Харбине, проживая в гостинице «Нью-Харбин» под именем японского служащего Като Тадаси.

19 октября 1945 года бывший переводчик русского языка 2-го отдела штаба Квантунской армии Такахата Кунесига на допросе рассказал, что примерно в феврале — марте 1945 года начальник харбинской японской военной миссии генерал Доя предлагал Генштабу через штаб Квантунской армии перевести Люшкова на постоянную работу в Маньчжурию. Однако 2-й отдел тогда не согласился с предложением Доя, опасаясь, что сам факт нахождения Люшкова, например, в Харбине может стать известен советской разведке и приведет к непредсказуемым последствиям для него.

Однако в конце июля того же года по указанию начальника 2-го отдела японского Генштаба генерала Аризу Люшков был переведен в Дайрен.

Из Токио в Чанчунь Люшков прибыл самолетом, два дня прожил там под фамилией Като в гостинице «Ямато», а утром 8 августа в сопровождении своего постпостоянного переводчика Такая Канумо отбыл пассажирским поездом в Дайрен. На вокзале его встретил начальник дайренской ЯВМ капитан Такеока Ютака. После непродолжительной беседы Люшков с переводчиком Такая и работником миссии выехал в Порт-Артур. Здесь их поселили в местной гостинице «Огозан», чтобы позднее доставить на укромную лачу в пригороде. Но вскоре, по настоянию требованию Люшкова, они вернулись в Дайрен. Узнав, что советские войска перешли границу, предатель не захотел оставаться в Порт-Артуре...

Со вступлением советских войск в Маньчжурию поиск Люшкова велся пражбросом и органами армейской контрразведки, и оперативными группами областных управлений. И безрезультатно.

Но вот в архиве штаба Квантунской армии чекисты нашли альбом с фотографиями Люшкова, фотокопии его личных документов. По указанию маршала Р. Я. Малиновского альбом был передан в управление контрразведки Забайкальского фронта, которое к тому времени уже располагало переводом статьи из японского иллюстрированного журнала «Мир» за август 1938 года, где излагались подробности бегства предателя.

12 октября 1945 года начальник управления контрразведки Забайкальского фронта генерал Вадис утвердил постановление о заведении розыскного дела на Люшкова. Розыскные мероприятия проводились практически по всей Маньчжурии — от Хайнань-Ляо до Порт-Артура. Установливались и допрашивались о месте возможного нахождения Люшкова все лица, в первую очередь — руководящий состав японских военных миссий в Маньчжурии, что-либо знавшие о нем.

Вскоре, на первых порах только пунктирно, начали выявляться следы Люшкова.

А потом появились конкретные свидетельские показания, официальные документы...

Вернемся к августовский Дайрен. Маратов, то бишь Люшков, заявил начальнику дайренской ЯВМ Такеоке, что он в прошлом советский генерал и потому боится частей Красной Армии, он настаивает — как можно быстрее переправить его из Дайрена в Токио. Люшкова с переводчиком поселили в местной гостинице «Ямато» под фамилией Ямогучи Хасимото и приказали ждать. Под этой фамилией и как гражданский служащий харбинской ЯВМ Люшков иногда приходил в столовую дайренской военной миссии.

Допрошенный 25 ноября 1945 года упомянутый выше Такеока Ютака показал, что в связи с самовольным возвращением Люшкова в Дайрен и отсутствием надежной связи со штабом Квантунской армии 15 августа он явился к начальнику штаба обороны Квантунского полуострова генерал-лейтенанту Янагите Гендо, чтобы обсудить, как поступить с Люшковым. В состоявшемся разговоре Такеока предложил генералу четыре варианта: учтывая заслуги Люшкова перед Японией, дать ему возможность бежать из Маньчжурии; в случае требования Советского Союза — выдать; вообще бросить его на произвол судьбы. И как крайнюю меру — убить или отравить. Решение Янагите как старшего для Такеоки начальника было однозначным: если Люшков откажется от самоубийства, ликвидировать его.

И на грани краха милитаристской империи Янагита не допускал мысли, чтобы такой знающий свидетель оказался в руках советских властей... 19 августа в девять вечера Такеока вместе с сотрудником миссии Ивамото известил Люшкова в гостинице «Ямато» и предложил ему зайти для переговоров по его делу.

«...Придя втроем в военную миссию, в мой кабинет, который находился на втором этаже, — показывал позже Такеока, — мы около двух часов вели разговор о том, как поступить с ним в связи с тем, что части Красной Армии скоро могут быть в Дайрене... Я имел намерение отравить Люшкова в кабинете, для чего держал при себе в боковом кармане брюк приготовленный в маленьком фланчике яд, 5 граммов цианистого калия в кристаллах... В процессе беседы я предложил чай в стакане, рассчитывая незаметно положить в него яд... Однако Люшков пить чай отказался, заявив, что у него болит желудок... Я стал вести разговор о том, чтобы он покончил самоубийством, указав на безвыходность создавшегося положения. Но Люшков отказался от самоубийства и опять настоятельно требовал создать ему условия для побега... Согласившись для видимости, что не возражаю против его побега, я предложил пойти вместе с ним в порт, якобы подыскать подходящее судно, на котором он мог бы уплыть в Китай. Спустившись со второго этажа, на ступеньках к выходу во двор я быстро зашел вперед и внезапно из имеющегося у меня браунинга выстрелил ему в левую сторону груди. Он упал.

Это было примерно в 11 часов 30 минут вечера...»

О последующих событиях того вечера 2 декабря 1945 года дал показания начальник разведывательного отделения миссии Аrimинца Кадзуо:

«...Примерно в 11.00 вечера во дворе миссии раздался выстрел.. Выбежав во двор, я увидел около парадного входа лежавшего на земле человека в штатском, рядом с которым стояли Такеока и Ивамото. В руках у Такеоки был браунинг. Такеока приказал нам отнести труп в заднюю часть двора. Когда мы стали поднимать его, человек застынул. Такеока приказал мне задушить этого человека, но я отказался делать это. Тогда Такеока приказал его застрелить... Я взял его пистолет и выстрелил в висок убийцу этого человека насмерть. По приказанию Такеоки труп мы завернули в три одеяла, взятые в дежурной комнате миссии, отнесли его на задний двор, где бросили на кучу угля... Поздней ночью Такеока собрал всех сотрудников миссии и сообщил, что по приказу генерала Янагиты в миссии убит важный преступник, а сам этот факт является государственной тайной...»

Той же ночью, прибыв на квартиру Янагиты, Такеока доложил ему о смерти Люшкова и предложил труп кремировать, оформив все необходимые для этого документы в местном военном госпитале. Янагита согласился с этим предложением и тут же в присутствии Такеоки по телефону дал необходимые указания начальнику госпиталя полковнику Иосимура Фумио.

Допрошенный по этому поводу Иосимура рассказал, что, выполняя указание генерала Янагиты, дежурные солдаты рано утром следующего дня привезли из миссии в госпиталь замотанный в одеяла труп «самоубийцы». Никто из медработников «упаковку» не разворачивал и не осматривал его. Заключение о причине смерти — смертельное ранение из револьвера в грудь — подготовил сам Иосимура, и на его основании санитарный отдел дайренского горупправления выдал разрешение на кремацию.

Последний документ на Люшкова, хранившийся в делах дайренского крематория, свидетельствовал по пунктам:

«Причина смерти: смертельное ранение из пистолета в область сердца. Кто проводил кремацию: начальник отряда 15 518 Иосимура Фумио.

Умерший: Ямогучи Тосикацу.

Класс кремации: 2-й класс, как военнослужащий, бесплатно.

Дата кремации: 20 августа 1945 года.

В тот же день урна с прахом Люшкова-Маратова-Като-Ямогучи была доставлена в миссию, откуда ее по распоряжению Такеоки переслали в буддийский храм...

Так бесславно закончилась путь не только одной из зловещих фигур сталинского беззакония на Дальнем Востоке в предвоенные годы, но и предателя Родины.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ШИЛОВА

Появление в Хабаровске нового начальника управления Горбача не оправдало надежд большинства сотрудников, что в работе органов госбезопасности края будет восстановлена законная справедливость.

Чудовищная репрессивная машина была так сильно раскручена, что и после смены «караула» продолжала сеять смерть. Горбач лишь слегка «корректировал» деятельность управления. «Одиночных лаков, белогвардейцев», — вот чего требовал новый начальник. Ему вторили начальник УНКВД по Нижнеамурской области Фельдман, Соловьев из Биробиджана. Уже и ликвидации за это время на территории Еврейской автономной области 58 антисоветских групп и организаций. Среди их участников — колхозный комик из села Поморскало Биробиджанских пожарных составил шинопро-диверсионную группу. А невийской разведки. Стараниями начальника не какого-нибудь, а именно Сталинского района «повстанческой организации».

В Нижнеамурье «действует» Фельдман, втянут в акции значительную часть подчиненных ему оперативных работников. Под его руководством в области проводятся масовые репрессии. Его заместитель Д. К. Сенько вместе с сотрудником областного управления И. М. Узой создает фальсифицированное дело «священного союза инхов», «участников которого обвиняются в намерениях отобрать земли инхов от СССР. Они обвиняются и в том, что якобы по заданию японской разведки еще в 1928—1929 годах собирали сведения о новых военных сооружениях на Нижнем Амуре, хотя, как известно, их строительство началось только в 1932 году. Да и само название организации дал Сенько: рассматривая предоставленные Узой материалы, он обратил внимание, что среди ее «участников» много шаманов. «Так это же настоящий священный союз инхов!» — воскликнул Сенько. На том и ворвались.

Наконец начались аресты и «свой — своего»: 7 июля 1938 года по предложению Рысенко за халатность по службе был арестован «свой брат ростовчанин» из бригады Люшкова, заместитель начальника отдела УГБ Малахов, с которым они до этого вместе разбирались в следственных камерах и служебных кабинетах. А недавно спустя уже сам Рысенко был арестован как «участник право-троцкистской организации». Так Малахов и Рысенко оказались в одной камере. И жизнь их пошла по наезженной колее: допросы, прогулки под охраной, ранние подъемы и настойчивые требования следователей дать «правдивые» показания теперь уже не только по «право-троцкистской организации», но и по фактам... преднамеренного (по указанию врага народа Люшкова!) нарушения социалистической законности, фальсификации следственных дел. И обвиняют их будут по одним и тем же статьям Уголовного кодекса, и дела их будут рассматриваться в один день. Свою никчемную жизнь Рысенко и Малахов закончат одновременно...

Собственно, в это время в тюрьме оказались и остальные «активисты» люшковской команды: Осинин, Малкевич, Крумин и Хорошилкин. По тем временам это было на редкость справедливо. Через две недели к ним «приобщились» Евтушенко, Еремичев, Каган.

В июле 1938 года в Хабаровск из Москвы прибыла очередная (третья в течение года) бригада высокопоставленных сотрудников НКВД СССР во главе с бывшим заместителем наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновским.

В первом же приказе Фриновский констатировал, что враги прочно обосновались на Дальнем Востоке и не прекращают борьбу с Советской властью. А следом, напомнив, что на Дальний Восток он прибыл по поручению правительства и наркома Ежова, призвал чекистов- дальневосточников «нанести сокрушительный удар по право-троцкистским, военно-фашистским, белогвардейско-повстанческим, эсеровским, меньшевистским и националистическим формированиям, по агентуре японских и других империалистических разведок, а также очистить Дальний Восток от всех враждебных Советской власти элементов...»

И тут же разъяснил, как надо проводить эту операцию: аресты проводить по спискам, которые должны быть предварительно высланы на утверждение в краевой аппарат УГБ. Следствие вести ускоренным и упрощенным порядком. Санкции прокурора на арест не требуется. Все материалы на арестованных направлять на рассмотрение «страйки».

Вот так рождалось и развивалось беззаконие. Как и Люшков в свое время, Фриновский начал с... чекистов.

Вероятно, для обеспечения задуманной Фриновским операции против сотрудников управления в Хабаровск вскоре прибыла новая, четвертая по существу за год, бригада в составе тридцати человек. О ее задачах расскажет потом следователь В. Г. Подольский: «Перед выездом с нами беседовал бывший нарком Ежов, который, в частности, говорил, что... города Дальнего Востока засорены контрреволюционными, а органы НКВД — социально чуждым элементом... Задача командируемых на Дальний Восток — очистить органы НКВД от антисоветского элемента...»

Летом 1938 года Подольский был назначен особополномоченным УНКВД края, а потом и начальником кадрового отдела управления. В его ведении находились так называемые «конфликтные» дела на сотрудников УНКВД. Стремясь выслужиться перед Фриновским и показать ему, что в борьбе с «врагами народа» и он проявляет зоркость и решительность, Подольский готовил им же сфальсифицированные мате-

риалы на сотрудников НКВД как на «шпионов, участников право-троцкистской организации, бывших, неразоружившихся, затаившихся троцкистов, белогвардейцев, измеников Родины», на основании которых будут арестованы многие чекисты.

Вместе с Фриновским приехал помощник начальника отдела НКВД СССР З. М. Ушаков. До этого он участвовал в расследовании «военного заговора» в РККА. Это он применял методы «физического воздействия» к арестованному маршалу М. Н. Тухачевскому, к командармам И. П. Уборевичу, И. Э. Якиру. Они не хотели давать показаний «по заговору». Не менее опытным в фабрикации дел был и другой следователь этой группы — Лулов. В первой половине 1938 года он участвовал в следствии по делу так называемого «антисоветского право-троцкистского блока», по которому четырнадцать обвиняемых, в том числе Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Ф. Гринько, Ф. У. Ходжаев, были осуждены и расстреляны. Да и сам Фриновский имел немалый опыт в таких делах.

Позднее и Фриновский, и Лулов, и Ушаков за незаконные аресты, избиение подследственных и фальсификацию доказательств будут осуждены. Но это совершилось потом, а сейчас...

В течение месяца они «работали» в краевом управлении НКВД и открыто избивали и истязали арестованных чекистов, заслуженных армейских командиров. Творили беззакония нагло, помня заявление Фриновского на сей счет: «Если арестованный — честный человек, то он простит нас, а если враг — то черт с ним...»

И вот «результаты» — дело о «Дальневосточном краевом объединенном право-троцкистском центре», якобы возглавлявшем все контрреволюционные формирования в регионе. И списки советских и партийных активистов, входивших в «краевой постоянный штаб».

Массированный удар наносился по армии, флоту, погранвойскам. В считанные недели на основании наспех сфабрикованных справок за решеткой оказалось множество командиров и политработников, был завершен разгром разведотдела штаба ОКДВА...

Как ни толсты тюремные стены, но и сквозь них до Шилова проникли сведения о пребывании в Хабаровске Фриновского, о переменах в руководстве управления, об арестах приближенных Люшкова. Он добился вызова к Фриновскому и попытался объяснить всемогущему сатрапу, как велось следствие по его делу. Но, вероятно, это был глас вопиющего в пустыне: положение Шилова после встречи с Фриновским никаколько не изменилось. Почти на полгода о нем снова будто забыли. Хотя нет: 19 ноября, то есть спустя пятнадцать месяцев после заключения в тюрьму, прокуратура выдаст санкцию на его арест.

Зато Фриновский быстро решит дело М. В. Богдановой — вдовы казненного уже Бориса Давыдовича. Обвинительное заключение по ее делу, основу которого составило единственное, выбитое смертным боем у знакомого их семьи Рэккана показание, было утверждено 15 августа 1938 года. В тот же день решением Фриновского и прокурора края Мария Васильевна была осуждена на смерть, и в тот же день ее не стало.

В соответствии с «директивой» Фриновского, подкрепленной 6 июля 1938 года детализированным приказом Горбача для всех органов НКВД края, начались широкие репрессии среди гражданского населения. Только на Нижнем Амуре было арестовано более 1200 человек. Шли массовые аресты в районах Еврейской автономной области, в Хабаровске и Комсомольске. Недобрый оказался и август 1938 года. Тысячам дальневосточников — и военным, и чекистам, и гражданским — он принес горе.

Кстати, тяжелым был и август прошлого года. Именно тогда на работников УГБ неожиданным шквалом обрушились непонятные аресты сослуживцев, соседей, родственников и просто хороших знакомых. Это был настоящий погром чекистских кадров на Дальнем Востоке, старт которому был дан тоже в августе 1938 года после процесса над Зиновьевым, положившего начало открытому террору в стране.

21 сентября 1938 года трагически закончилась семимесячная борьба Владимира Абрамовича Неймана за тюремную решеткой. В тот последний день в судебном заседании, еще питая надежду на справедливость, он отказался от показаний, которые дал на предварительном следствии, и твердо заявил, что участником контрреволюционной организации никогда не был, а показания, уличавшие его в шпионаже, решительно отверг как клеветнические. Но выездная сессия военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством бригаденкора Кандыбина, не вникая в суть, торопливо осудила его на смерть.

Та же выездная сессия в сентябре — октябре рассмотрела в Хабаровске дела на 15 бывших сотрудников УГБ. Обвинения трафаретные: причастность к право-троцкистской террористической организации, шпионаж в пользу Японии, Германии или еще какой-либо страны. Для всех пятнадцати приговор был один — смерть. Среди них — улья С. Г. Вальдо, русский Монахов.

В декабре 1938 года начальником Управления НКВД по Хабаровскому краю был назначен Никишов. Его появление в Хабаровске предшествовало никрьбское постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое запрещало органам НКВД и прокуратуре производить какие-либо массовые операции по арестам и выселению граждан. Следствие облизывалось строго выполнять все требования Уголовно-процессуального кодекса. Аресты — только с санкции прокурора. Были ликвидированы зловещие «стройки», по несправедливым решениям которых пострадали тысячи и тысячи невинных. Но оставалось Особое совещание при НКВД СССР — такой же внесудебный репрессивный орган.

Чекистский коллектив края медленно выходили из тюкового состояния.

Накануне 1939 года из трех боевых товарищ, некогда составлявших мозговой центр операции «Маки-Мираж», в живых оставался только Николай Петрович Шилов, которому еще предстоял бой и за свою честь, и за свою жизнь. Для этого нужно было объяснять, доказать предстоящему суду, чем было в действительности дело «Маки-Мираж». Все, кто был причастен к ведению следственного дела Шилова, по своему усмотрению переворачивали его так, что становится не по себе: как можно «Для связи право-троцкистской организации с японцами была заведена разработка «Маки-Мираж», через каналы которой японцам передавалась шпионская информация...»

Операция, вошедшая в историю как одно из крупнейших достижений оперативной мысли, теперь выдавалась за преступление.

21 января 1939 года Н. Н. Шилову было объявлено об окончании следствия по его делу и предъявлении его военному трибуналу. Ознакомившись с обвинительным заключением и материалами дела, Шилов пишет в военный трибунал: «...хотя я винюсь... И далее, называя своими словами те беззакония, которые сопровождали следствие по его делу, он продолжал: «Виновным себя не признавал и не признаю —

Письмо он закончил так: «Дела своего не знаю, на очных ставках показания Лапина и Хомикова отрица. Верю, что имею дело с советским судом, а потому прошу вызвать на суд Лапина, Хомикова, Морозова и любого из 33-х, которые дали под пытками или по другим мотивам ложные показания на меня. 21.01.39 г. Н. Шилов».

Трибунал не выполнил законного требования обвиняемого. Он и не мог этого сделать — к тому времени никого из свидетелей уже не было в живых.

Суд не вдавался в подробности операции «Маки-Мираж», хотя прежде следователи делали на нее особое ударение. Положив в основу решения «факты», якобы неопровергимо свидетельствовавшие о тяжких преступлениях Шилова перед Родиной, суды приговорили его к смерти. Но шел тогда уже 1939 год. Оставалась еще призрачная надежда — обратиться в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании. Ответа на нее Шилов несколько месяцев дождался в камере смертников. Помилования не последовало. Но появилась тюремная справка: «Арестованный Шилов Николай Петрович убит по первой категории 10 мая 1939 года в 22.00».

В этот день Шилова не стало. Борис Богданов, Владимир Нейман, Николай Шилов и многие другие чекисты-дальневосточники разделали трагическую судьбу тысяч своих земляков.

ФАКТЫ УБЕЖДАЮТ

Продолжавшиеся почти два года массовые аресты сотрудников органов государственной безопасности края, обвинявшихся в антигосударственной деятельности, жестокое обращение с ними во время следствия, а потом и расправа — все это сказывалось на настроении чекистов, их работе.

«Тот, кто не может добиваться таких показаний, тот просто не хочет бороться с врагами», — так оценивали начальство результаты работы своих подчиненных. Сотрудник краевого управления Г. Н. Паков «за пассивность в борьбе с контрреволюцией» был исключен из ВКП(б), уволен с работы, а потом арестован и осужден как «социально опасный элемент». Не выдержав систематических угроз своего мальчика «отдать под суд за деятельность в работе», покончил жизнь самоубийством оперативный работник В. В. Дубровин. По тем же причинам отравился член московской бригады Костюк, повесился начальник отделения Штлянский, застрелился на дежурстве начальник отделения Богаткин. Эти самоубийства угнетали людей, делали невыносимой и без того тяжелую морально-психологическую атмосферу в коллективах.

Многочисленные документы тех трагических лет свидетельствуют, что зловещую роль в развязывании беззакония сыграли специальные бригады «для разворачивания оперативно-следственной работы в деле борьбы с контрреволюцией». Особой жестокостью при этом отличались подручные Люшкова и Фриновского, в большинстве своем еще в предвоенные годы понесшие суровые наказания.

Это совсем не значит, что массовое избиение дальневосточников — дело рук только «варягов». Беда в том, что под влияние таких людей, как Люшков, попадали немало честных чекистов. Примем во внимание и массовые мероприятия по «спонданско-политической бдительности», и уходы центрального и местного руководства НКВД, которое порой искусственно создавало видимость кризисных ситуаций в крае и доказывало необходимость применения чрезвычайных мер.

Да, расплата настигла многих изувеченных. Так, в августе 1940 года перед военным трибуналом держали ответ пятеро бывших сотрудников УНКВД по Еврейской автономной области: А. К. Кизиевич, В. Р. Ларкин, Н. И. Лущик, Ф. Ф. Шумкин вместе с бывшим начальником УНКВД П. Б. Соловьевым. Трибунал приговорил Соловьева, Ларкина и Кизиевича к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, остальных — к восьми.

В октябре того же года в военном трибунале рассматривалось дело по обвинению бывших начальников Управления НКВД по Нижнеамурской области Д. К. Сень-

ко, Я. Л. Фельдмана, а также сотрудников этого управления И. П. Береснева и И. М. Узм. Сенкко и Фельдман были приговорены к высшей мере наказания, Уза и Береснев — к длительным срокам изоляции.

В том же 1940 году за нарушения социалистической законности в 1937—1938 годах были осуждены к высшей мере наказания Каган, Крохичев, Оснин; к десяти годам исправительно-трудовых лагерей — Булатов и Иванов-Сегаль, а в 1941 году — Евтушенко и Малкевич, последние из люшковской бригады.

Однако ни эти, ни не называемые здесь приговоры не идут ни в какое сравнение с теми неисчислимими трагедиями, ответственность за которые несут ежовские и берийские «калифи на час».

Массовые незаконные репрессии тридцатых годов, гибель многих высококвалифицированных и опытных чекистов привели к тому, что Управление НКВД по Хабаровскому краю было серьезно ослаблено. Потребуются годы, чтобы оно смогло восстановить свою боеспособность.

Перед войной в краевом и областных управлениях НКВД пересматривались дела на всех осужденных. Многие из них были освобождены из-под стражи из-за отсутствия состава преступления. Около четырехсот человек в Еврейской автономной области, более восьмисот на Нижнем Амуре. Только в ряды 2-й Отдельной Краснознаменной армии вернулись почти две тысячи военнослужащих. Среди освобожденных оказались несколько человек, которым накануне был объявлен смертный приговор, и они дождались своего последнего часа...

Однако полного оздоровления в органах госбезопасности в предвоенные годы не произошло. Это стало возможным лишь после смерти Сталина.

Уже 4 мая 1954 года по решению ЦК КПСС в центре и на местах были образованы комиссии по пересмотру дел репрессированных. Тогда же была создана Хабаровская краевая комиссия.

На основании материалов, собранных чекистами, было возвращено доброе имя Борису Давыдовичу Богданову, Владимиру Абрамовичу Нейману, Николаю Петровичу Шилову, Ивану Ивановичу Горокову и тысячам другим невинно пострадавшим.

И сегодня хабаровские чекисты непосредственно участвуют в реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и в начале 50-х годов». По материалам, подготовленным ими, судебные органы уже реабилитировали немало дальневосточников. Ведется поиск мест захоронений жертв сталинских репрессий, в том числе и в Хабаровске.

Но как быть с Терентием Дмитриевичем Дерибасом, членом партии с 1903 года, бывшим узником царских тюрем? Активный участник гражданской войны, он был направлен на работу в ВЧК. Под руководством Ф. Э. Дзержинского способствовало ликвидации антоновщины. С января 1930 года — полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю. При нем совершенствовалась и укреплялась пограничная служба Дальнего Востока, давался отпор проискам японских спецслужб. Награжден орденами, знаком «Почетный чекист». В 1937 году стал жертвой репрессий. В середине пятидесятых годов реабилитирован. Все это так.

Но думается, если на этом поставить точку, правда будет сказана не вся. Факты, ставшие известными в последние годы, убеждают, что Дерибас был причастен к массовым нарушениям социалистической законности. В результате их пострадали тысячи дальневосточников. Достаточно упомянуть дела о мифической «повстанческой организации» в Еврейской автономной области или о ликвидации заговора камчатских «сепаратистов».

Именно Т. Д. Дерибас возглавлял недобрую памяти «тройку» при краевом управлении ОГПУ — НКВД. На ее заседаниях рассматривались порой голословные, но обязательно «компрометирующие» материалы, собранные местными органами ОГПУ — НКВД. Подпись Дерибаса решала судьбы десятков, а то и сотен людей: они выссыпались с территории края, направляясь в спецпоселения и концлагеря, приговаривались к смерти.

Страшное это дело было поставлено «на поток», где человеческая жизнь ничего не стонала.

Вслед за Дерибасом в октябре 1937 года был арестован начальник УНКВД по Еврейской автономной области Лавтаков, в декабре — начальник Нижнеамурского областного УНКВД Липовский. Их дела также пересматривались. Однако, сняв с них обвинения в принадлежности к «право-троцкистской организации», судебные органы не нашли возможным полностью реабилитировать их, так как Лавтаков и Липовский несущут ответственность за массовые репрессии. Такое же решение было принято и в отношении Барминского, заместителя Дерибаса, арестованного вместе с ним.

Почему же и поныне за массовые беззакония нет спроса с Дерибасом? Да еще за страшную деятельность «тройки», которой он руководил семь лет, с 1930 по 1937 год, практически до последнего дня своей службы в системе НКВД.

Почти одновременно с Т. Д. Дерибасом был арестован С. И. Западный, признанный участником право-троцкистского заговора. Это обвинение судебными органами снято как необоснованное, и он тоже реабилитирован.

Нет, не таким, как Дерибас и его подручные, следует устанавливать мемориальные доски и памятники, а тем, кто невинно пострадал от репрессий, погиб в застенках, лагерях и ссылке. Время истины наступило.

Мыслители России

Елена РЕРИХ

ОСНОВЫ БУДДИЗМА

Будда указывал на нелепость предрассудка, приписывающего словам возрастанию авторитетности, вследствие повторения их растущим числом учених. Истинный ученик тот, кто осознал совершенство познания, а не тот, кто бормочет формулы, уже многократно отброшенные до него.

«Я говорю моим ученикам: вот нирвана, вот путь к ней. Наставляемые мною, небольшое число достигает, другие нет. Что я могу? Благословенный есть лишь указатель пути» («Маджджхима-никай», т. 3, с. 4).

«Ни один человек не может спасти своего близкого. Зло, содеянное человеком, пятнает лишь его самого. Зло, избегнутое им, не коснется лишь его. Чист и нечист каждый лишь для себя. Человек не может очистить другого».

Выздоровление возможно лишь посредством внутреннего процесса работы над собою. Потому Будда не призывал никакой действенной силы за формулами, которые словесно передаются из поколения в поколение, подобно корзине, переходящей из рук в руки («Маджджхима-никай», т. 2, с. 169).

* * *

Будда, отрицая существование Бога, утверждал возможность освобождения лишь совершенно личными усилиями и упорным трудом над самим собою, одним этим уже отрицал всякое внешнее поклонение. С самого начала он порицал все ритуалы и другие внешние действия, которые только способствуют усиленнию духовной слепоты и цеплянию за безжизненные формы. В его учении нигде нет и намека на личное поклонение. Он говорил: «Учение спасает не потому, что Будда его дает, но потому, что оно есть освобождение. Ученик, следующий за мною, держась за конец моей одежды, далек от меня и я от него. Почему? Потому, что этот ученик не видит меня. Другой живет за сотни верст от меня и тем не менее близок мне и я ему. Почему? Потому что этот ученик понимает учение, понимает учение, он понимает меня» («Итивуттака», с. 90). «Если вы поняли и узрели истину как она есть, скажете ли вы: «Мы обязаны уважением нашему Учителю и из уважения к нему, как говорил Учитель, так говорим и мы?» — «Нет, Благословленный», — «То, что вы утверждаете, не есть ли это то, что вы узрели и осознали сами?» — «Да, Благословленный» («Маджджхима-никай», т. 1, с. 265). Предвидя будущее, Будда говорил: «Учение подобно пламени факела, зажигающему бесчисленные огни, огни эти могут способствовать варке пищи или рассеивать тьму, но пламя первого факела остается неизменно сияющим» («Сутры», 42 чл.).

Будучи врагом всякого ритуализма, Будда отрицал очистительную мощь обрядов. «Человек не будет нравственно чист, если он долго очищается в воде. Чистый человек, брахман, тот, в ком обитает истина и добродетель» («Удана», с. 6). «Сияющей же резервуары воды, как и все остальные водные резервуары» («Маджджхима-никай», т. 1, с. 39).

«Все ваши правила, — говорил изуверам Будда, — низки и смешны. Иной из вас ходит нагой, прикрывая себя только руками; иной не станет есть из кувшина или с блюда, не сядет за стол между двумя собеседниками, между двумя ножами или двумя блюдами; иной не сядет за общий стол и не примет подаяния в том доме, где есть беременная женщина, где заметит много мух или встретит собаку...

Иной питается одними овощами, отваром риса, коровьим или оленым пометом, древесными корнями, ветвями, листьями, лесными плодами или зернами. Иной носит плащ, накинув его только на плечи, или прикрывает себя мохом, древесной корой, возрастными или оленьей кожей; распускает свои волосы или налагает на них волосистую повязку. Иной носит одежду пачали, постоянно держит руки вверх, не сидится на скамье и рогожки или постоянно сидит в положении животных...

Не стану исчислять других подобных средств, которыми вы мучаете и изнуряете себя...

Окончание. Начало: «Дальний Восток», 1991, № 2.